

Здесь могла быть
твоя жизнь

ДЕМО ВЕРСИЯ

ЛОНГ-ЛИСТ
«БОЛЬШОЙ
КНИГИ»
2024

Полина
Корицкая

18+

Полина Николаевна Корицкая

Демоверсия

Серия «Это личное!»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70029421
Демоверсия : роман / Полина Корицкая: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196213-5*

Аннотация

Ане тридцать с небольшим, она – мастер витражного дела с собственной мастерской, мать двоих детей. Брак, продлившийся 15 лет, окончился мучительным разводом. Встреча с польским музыкантом Яном дарит ей шанс прожить другую жизнь, где Аня – певица, способная одной песней влюбить в себя каждого в зале. Жизнь, которой она когда-то пожертвовала ради семьи и детей.

Несмотря на взаимность, Ян не решается бросить ради Ани жену и отдаляется. Новая боль вскрывает все старые шрамы, заставляя вспомнить, какими уродливыми были ее отношения с мужем, когда их никто не видел. В попытке обрести надежду Аня вновь и вновь прокручивает в голове все свидания с Яном, не замечая, что уже давно не отделяет реальность от фантазий.

При этом ее настоящая жизнь начинает трескаться, как стекло...

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

123

Полина Корицкая

Демоверсия

– Значит, тебе от этого плохо.

*– Нет, – возразил Лис, – мне хорошо. Вспомни,
что я говорил про золотые колосья.*

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

© Корицкая П., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая
Красное озеро

ЧАСТЬ 1
Красное озеро

Откуда взялась трещина?

Аня смотрела на витраж, ничего не понимая.

Может, она неосторожно положила стекло на стол или слишком резко прислонила к стене. Или был изначальный брак – и она просто не заметила трещины?..

Потому что слушала музыку.

Возможно, так и было, и все началось с музыки.

* * *

Она прошла наверх, подключила розетки в автомате и открыла кабинет. В глаза ударил свет, и Аня на секунду зажмурилась – от яркого света глазам всегда было больно. Сняв пальто и пересчитав стекла, она обратила внимание на одно необычно длинное стекло. Аня пожала плечами, протерла стол, проверила инструменты и включила музыку.

Вошел Стас, держа четыре грязных прямоугольника выше его роста.

– Сегодня не обрабатывал, извини. Завал полный.

Аня кивнула.

– Все как обычно?

– Да. Только одно стекло очень длинное, выровняй его под шаблон. Вот оно, видела?

Стас вышел, и Аня посмотрела на длинное стекло, которое высилось над остальными непривычным уродцем.

Развернув шаблон, Аня разложила его на столе и закрепила прозрачным скотчем. Потом она подошла к стеклу, провела по нему пальцами – и тут же брезгливо отдернула. Для экономии времени обычно мылась только одна сторона, но «уродец» был слишком грязным. Аня протерла одну поверхность вертикально, а потом взяла стекло, чтобы уложить его на шаблон чистой стороной вниз и уже после помыть рабочую сторону. Но это оказалось не так просто: узкая трехметровая громадина заколыхалась, чуть оторвавшись от стены, грозя переломиться пополам и обвалиться на голову. Быстрым движением Аня перевернула стекло горизонтально, положив край себе на ногу, взяла его сверху, равномерно расставив ладони, и подняла. Потом она аккуратно прислонила край к столу, приподнимая под углом, и уложила стекло на шаблон.

Определив центр, она установила плашки и вымерила размеры рулеткой, чуть не порезавшись при этом об острый край.

Ане часто приходилось иметь дело с необработанной кромкой, и она страшно этого не любила: когда обрезаешь пленку по краю, из-под ножа буквально летит стекло. Надо быть осторожнее.

По комнате плыл вязкий черный голос, а по стеклу растекалась нитяная сетка клея. Факет – ограненный стеклянный квадратик – надо прикладывать аккуратно, медленно прижимая одним боком, после чего быстрыми точными движениями выгонять изнутри пузырьки воздуха. Потому что после включения УФ-лампы они останутся там навсегда и будут бликовать под каждым солнечным лучом. Лампа горела фиолетовым светом, гелевые ногти светились синим – не больше восьми секунд: этого достаточно, чтобы факет намертво приклеился к стеклу. Теперь следующий. Обычно на стекло уходило три факета, но, оценив «уродца», Аня отложила пять.

Она прислушивалась к плывущему голосу, и ей хотелось услышать другой – не по радио, а рядом, у самого уха, – скорее даже почувствовать, чем услышать. На секунду Аня закрыла глаза, уставшие от фиолетового мерцания, и перед внутренним взором сразу возникло лицо – гетерохромное, неповторимое в своей природной асимметрии. Широко распахнутые, как в испуге, разноцветные глаза будто враждовали между собой: темно-карий отталкивал и пугал, а зеленый манил и казался отражением Аниного лица. Очнувшись, она уперлась взглядом во все тот же кусок стекла, в факет, в каждой его грани продолжая видеть глаза, уже не понимая, кому они принадлежат на самом деле.

Зеркальный взгляд и такое же зеркальное имя: Ян. Словно ее собственное имя перевернули, отрезав одну букву.

«Не думать об этом. Не думать».

Она развернула моток ленты и быстрыми движениями уложила по рисунку. Прикатала и обработала. Музыка плыла над стеклом и почему-то отвлекала и причиняла боль.

«Не думать. Не...»

Она задела острую кромку и порезала палец. Странно, но от этого ей стало как будто спокойнее – теперь у боли хотя бы была официальная причина.

Аня оторвала кусочек бумаги от рулона и приложила к порезу, как делают мужчины после бритья. Но порез был слишком глубоким. На стекло сквозь тонкую бумагу закапала кровь, и это показалось таким красивым, что Аня остановилась и некоторое время просто стояла и смотрела, как растекаются густые капли. Типовой пленочный витраж в цеху – занятие довольно скучное, а так оно будто стало необыкновенным: стекло обретало цвет, и фактуру, и точный смысл.

Опомнившись, Аня оторвала кусок бумажного скотча, заклеила порез и пошла на рабочую кухню налить себе кофе.

Стеклянные порезы заживают долго, мучительно. Хорошо, когда есть медицинский клей, и даже обязательно – чтобы какая-нибудь дрянь не попала. Но сначала должна остановиться кровь. Впрочем, с пластырем то же самое, даже если это не пластырь, а просто скотч. Бестолковая полоска намокла и отвалилась, Аня сняла ее и выбросила в пакет, закусив палец.

Резаться – больно, это понятно. Но почему так больно –

от музыки?

Валя, рыжая полная фурнитурщица, вывела Аню из раздумий.

– А правда, что ты поешь?

Аня повернула голову и удивленно посмотрела на нее. На Вале был грязный комбинезон. Она сидела на кухне, пила чай и ела колбасу прямо из упаковки. Аня не сразу нашлась, что ответить.

– Ну... Раньше пела. Теперь нет.

– А че так?

У Вали почему-то всегда были жирные волосы.

Аня посмотрела на нее и почувствовала непреодолимое желание все ей рассказать – про Яна, про его Тишину, про чернику, часы и мертвую девочку, про своего бывшего мужа и его жену, про детей... Про музыку.

«Не думать».

– Устала, – сказала Аня.

– А-а-а... – протянула Валя, не переставая жевать, словно теперь-то ей все стало понятно. – Че, порезалась?

– Ага.

– Пластырь дать?

– Давай.

– Ща, доем.

– Ага, спасибо.

Немного подождав, Аня спустилась в подсобку и сама взяла пластырь. Потом села у входа и прикурила. Валя присела

рядом, опершись о сломанный станок.

– А откуда ты знаешь?

– Че?.. А, это. Фотку в соцсетях видела. С микрофоном. Ты там красивая. Это не в смысле, что ты щас некрасивая, а в смысле, что там.

– А, – протянула Аня. – Это старая.

Глупо быть красивой в мебельном цеху, где кроме нее только две бабы и несколько пропитых мужиков. Впрочем, неважно, потому что это всего лишь подработка. Основное место ее работы – собственная витражная мастерская, светлая и просторная.

Аня любила открыть двери своей мастерской, взять в руки звенящее прозрачное стекло, уложить его на тщательно отрисованный шаблон и долго подбирать пленки. Свое особое значение имел каждый оттенок, направление мраморных жилок, плавный цветовой переход. Стекланный лист делался многоцветным, голубые и зеленые пятна плыли по потолку, и мастерская становилась похожей на планету. Несколько движений – и планета заселялась деревьями, птицами, насекомыми. Люди в этом помещении почти не появлялись. А если и появлялись, то совсем не те.

Над цехом дымилась древесная пыль, оседая повсюду желтоватым слоем. Станки, зеркала, ботинки рабочих, их спины и лбы – все носило на себе отпечаток этой пыли. Аня затаилась пыльной сигаретой, вспоминая, как писала Яну из мастерской. Жаль, что он в ней так и не побывал. Аня

достала из кармана телефон и прочла старое, полугодовой давности, сообщение: «Ten, kto wyjeżdża, zawsze zabiera ze sobą tylko jedną trzecią goryczy. Dwie trzecie dostaje ten, kto zostaje»¹.

«Не думать об этом. Нет никакой Тишины».

Она затушила сигарету в пепельнице и пошла наверх: нужно было продолжать работу.

* * *

Аня пела всегда.

Когда в детстве они с мамой ехали на троллейбусе, Аня первым делом бежала на место кондуктора, вскарабкивалась на высокое кресло, крытое обычно каким-нибудь половником, и начинала концерт. Сначала она победоносно осматривала публику, потом быстро вертела головой – не идет ли тетя-кондуктор? – закрывала глаза и делала вдох:

– Пла-а-ачу-у-у! Снова, слы-ы-ыши-ы-ышь, о тебе-е-е-е, любви-и-мы-ы-ыый, пла-а-а-ачу-у-у-у!

В этот момент, как правило, не плакал никто. Пассажиры лыбились и ржали в кулак. Где-нибудь к третьему куплету возле своего места возникала фигура суровой, сдержанно улыбающейся кондукторши.

– Та-а-ак, кто это у нас тут? А вот я тебя!

---

¹ Тот, кто уезжает, всегда увозит с собой только треть печали. Две трети получает тот, кто остается (*польск.*).

И Аня, взвизгнув, ныряла в проход и утыкалась в мамино пальто.

Но была в их маленьком закрытом городе, Северске, одна особенная кондукторша.

Говорили, что она, пробивая талончики, всегда поет. Что-то вроде:

– Дава-а-айте де-е-енежки-и-и, все ваши-и-и дене-е-ежки, сейчас тало-о-ончики-и-и я вам пробью-у-у...

И однажды они встретились.

В троллейбусе номер четыре было холодно, дуло буквально из всех щелей. У Ани трое штанов и фиолетовые губы. Поэтому петь ими ей даже в голову не приходило: она бежала к заветному креслу погреться. Под ним всегда работала какая-то вечная батарея, волшебная печь, от которой плавилась, трескалась и осыпалась шариками снежная корка на гаммах.

Слава богу, свободно! Аня с разбегу водрузилась на кресло и закрыла глаза, слушая шипение снега на ботинках, коснувшихся батареи. Но вдруг что-то приподняло ее в воздух и шипение прекратилось. Кондукторша без сантиментов взяла ее за шиворот своими огромными ручищами в перчатках с обрезанными пальцами и молча поставила на пол. А сама заняла законное место и сказала неожиданно высоким чистым голосом:

– Де-во-о-очка моя-а-а синегла-а-аза-а-а-я-а-а...

Аня оторопело попятилась назад.

Еще долго ей снилась огромная, заслоняющая верхний свет фигура в перчатках без пальцев. И пальцы торчат из вязанных обрубков – толстые, красные, а на груди покоится несметный кошель.

Больше в троллейбусах Аня не пела. Только в трамваях иногда, да и то – тихо.

– 2 –

Пять лет назад, еще только начав заниматься витражами, Аня работала при большой стеклорезке. Однажды попался такой заказ: стекло, полностью оклеенное фацетами разной формы – прямоугольниками, квадратами, ромбами. И все они должны были располагаться встык, хотя вовсе для этого не предназначены: края по умолчанию закрываются свинцовой лентой. Но заказчик ленты не хотел, видимо, это представлялось ему особым шиком. Если бы он только знал, какой шлейф нецензурной брани тянулся за каждым из этих восьми стекол.

Шаблоны были точными. Фацеты подобраны штучно, каждый осмотрен, и все они для проверки укладывались по порядку без клея. Потом их начинали приклеивать, но в середине каждой работы схема обязательно менялась, как в галлюциногенном кошмаре.

– Капец, куда делись два миллиметра?

Злая растрепанная Ксюша брала несколько фацетов и шла

обтачивать их вручную. Там уже стояла сонная Инна, большое пятно пота расплзлось по ее спине. Фацеты скалывались, перетачивались, недотачивались и бились – и каждый осколок равнялся полной стоимости всего листа. В воздухе висел звон битого стекла, напоминавший звук бесконечно работающего кассового аппарата. Когда Ксюша неправильно взяла стекло, в запаре забыв об элементарных правилах, – за один край, – раздался треск, мат, звон и Ксюша уволилась.

Аня осталась. Вместе с медлительной Инной они доделывали еще пять стекол. За новыми фацетами они ходили пешком по заброшенным железнодорожным путям через овощную базу. Иногда по дороге встречались стаи бездомных собак, и Аня с Инной старались перебираться ногами скорее, осторожно держа каждая свою ручку пакета с тремя – четырьмя коробками стекляшек внутри.

Пятно пота на спине Инны подсыхает и вновь расплзается, как плесень.

– Подвинь свое стекло, мы тут вдвоем не влезем.

Инна снимает фиксирующую пленку и двигает лист, но он не двигается. Она тупо смотрит на стол перед собой, совершая руками панические хаотичные движения, – что это, что это, почему оно не двигается? Аня уже понимает, что произошло, но еще надеется на какое-то внезапное чудо, на пробуждение – должны ведь эти галлюцинации когда-нибудь кончиться? Но нет: стекло лежит на том же месте. Оно приклеено к световому столу вместе с фацетами.

– Да как ты это?

– Ну, клей, наверное, затек. – Инна ревет, лицо у нее в пятнах, мокрых от слез, сероватое от волнений и усталости, похожее на бугристый асфальт.

– Настя, что делать?

Подходит дизайнер Настя, смотрит. Пытается подковыривать ножом, заливать спирт. Молчит. Через час ее парень привозит строительный фен, и они вчетвером по очереди пытаются медленно разогреть стекло, чтобы оно отошло от столешницы. Когда стеклянная столешница с грохотом лопается ровно посередине и обваливается вместе с факетной группой в деревянный поддон, все четверо медленно оседают вдоль стены.

Готовые восемь стекол невероятно красивы. Когда они стоят у окна, вся стеклорезка заливается радужными бликами. Солнечные лучи преломляются миллионами граней и образуют на стене, как под лучом проектора, моря, хрустальные горы и – абсолютную Тишину.

Ту Тишину, которую Ян откроет для Ани только через пять лет, – и Ане покажется странным, что она узнает ее так детально, словно родилась в каганате².

---

² Каганат – исторический тип государства, сформировавшийся на просторах Великой Степи. В тексте – воображаемый мир.

– Каганат Тишина. Ходзэ ту и плаче³, как дурак. От красоты.

– Есть от чего заплакать.

Аня здесь впервые. Они идут рядом, Ян трогает ее волосы и несет сумку. Аня смотрит вверх и видит огромные, черные кедрачи. Черные тополя имеют такой обхват, что внутри дупла одного из них можно было бы поставить кровать. И прямо там зачать и вырастить несколько детей.

– Давай останемся здесь навсегда. – Аня тянет Яна к дереву. На темном стволе видны трещины, верхушки высохли и обломились. Ян прижимается носом к ее макушке, вдыхая воздух пахнувших древесиной волос, и тянет ее дальше.

– Смотри.

Аня послушно смотрит – и видит необыкновенного цвета озеро. Вода переливается на солнце, искрясь множеством оттенков.

– Это Изумрудное озеро.

– А ты мой железный дровосек, – улыбается Аня, – нам не хватает только собачки.

– Хочешь собачку?

– Нет, не хочу.

---

³ Хожу тут и плачу (польск.).

Они ложатся на берегу, Аня кладет голову на его колени и закрывает глаза. Ян гладит ее по лицу и что-то тихо напевает.

– Я долго искала какой-то идеальный город. Ну, по типу Изумрудного. Как-то увидела картинку, полную голубых тонов, там весь город – голубой, представляешь? И я представляла себе, что перевезу туда детей и мы будем там жить...

– Вшысцы разэм⁴.

– Да. Но, ты знаешь, здесь мне нравится больше. Все-таки голубой город – это из какой-то другой сказки. Давай останемся здесь?

– А разве герои не должны хотеть вернуться из Изумрудного города домой?

– Я не хочу.

– Я тоже.

Они встали и пошли дальше. Кругом были сосны и кедры, под ногами – царство снующих бурундуков. Дорогу преградил огромный, полуразваленный ствол павшего дерева.

– Все в мире падет и окончится.

Ане показалось, что лежащий впереди ствол сделан из толстого темного стекла, что он пал и разбился, и сама Аня почувствовала себя разбитой и темной, и мир звякнул. Монитор покрылся тонкой сетью – то ли трещинок, то ли морщин.

---

⁴ Все вместе (*польск.*).

Свинцовая лента легко ложится на стекло и плывет, изгибаясь, по ровной поверхности, как тонкая водяная змея. Порой Ане кажется, что она только запускает эту змейку, а дальше та ползет сама, поворачивая к свету бока и сверкая литой чешуей. И за ней тянется бесконечный золотистый след, как за улиткой – шлейф ее секретий, оставляя четкий, единственно возможный орнамент. И, придя к очередной точке, змея сталкивается с собственным хвостом, образует некое подобие уробороса⁵ – только не круглого, а вишневатого, будто танцующего.

За работой Аня часто поет, и тогда змейка бежит стремительней, и насечки на ее коже будто появляются сами собой. Насечки на самом деле нужны для лучшего прилегания («Не руби, перекачивай мягче», – учила ее Ксюша, и так же теперь учила всех Аня), но в такие моменты они были чем-то вроде годовых колец на дереве, только отмечали собой не годы, а минуты, даже секунды. И змея никогда не сбрасывает свою кожу, если только материал не попадет бракованный – тогда верхний слой может полопаться, растрескаться или просто облезть, например, от спирта.

Спирт нужен для обезжиривания стекла. Аня использует

---

⁵ Уроборос – мифический символ, одно из значений которого бесконечность.

технический – он дешевле. Хотя мебельный цех, например, закупает всегда чистый, но пробовать ей никогда даже в голову не приходило: опасно. Если она с ясной головой так резала пальцы, то что могло быть, если бы она опьянела?

Впрочем, такой опыт у нее тоже был. Однажды бывший муж, Влад, принес в ее мастерскую бутылку шампанского и конфеты на Восьмое марта. Было весело, мусорка доверху заполнилась блестящими обертками, но работать стало совершенно невозможно. Так сказать, похихикали и разошлись.

Хихикали они с мужем много. Разошлись – всего однажды.

Аня хорошо помнит, как они пили шампанское последний раз в тот день, когда он ушел. Почему-то они сидели и обсуждали способы утилизации мертвого тела из ванны. Он смаковал подробности и вспоминал, что где-то читал историю о вдове, топившем своих богатых жен.

– Он просто опаивал их шампанским, набирал для них ванную и массировал плечи. А потом неожиданно, уверенно и четко брал за голову и погружал ее в воду. Ни один судмедэксперт не мог назвать его виновным – в морге констатировали смерть от инфаркта. Его раскрыли как-то случайно, не помню уже. А потом ставили эксперимент с обычным мужчиной среднего телосложения и олимпийской чемпионкой по плаванию. Так она даже трезвая не смогла сопротивляться, еле спасли. Получилось, что мужик изобрел идеаль-

ный способ убийства. Забавно, да?

Аня кивала и думала, не наклеить ли в кухне фотообои, – после выезда Влада она планировала ремонт.

– Вот что бы ты сделала, если бы у тебя был в ванной труп?

– Растворила бы его в серной кислоте.

Но ассортимент фотообоев ей совсем не нравился. Никаких. Может, сделать кухню в синих тонах в бохо-стиле?..

– Ты что, это трубы разьест.

– Думаешь, лучше распилить?

– Пилить ты заколебешься. Надо резать хорошим острым тесаком. Как – знаешь?

– По сухожилиям.

Нет, в такой маленькой кухне бохо будет смотреться вульгарно. Да и надоест быстро. Беж?..

– Ага, точно. Только чтобы не забрызгать все кровью, надо в пакет куски оборачивать.

Куски. Фу.

– Как рыбу при чистке?

– Ну типа того.

Аня вспомнила, как сестра, Светка, выйдя замуж, спрашивала маму по скайпу, как лучше приготовить рыбу. Мама тогда отдыхала где-то на море. Она сказала: «Да очень просто. Берешь ее, падлу, за хвост...»

Аня не любила море, а Светка любила. У нее тоже было двое детей, и тоже девочки, только Анины были старше: Лиле почти двенадцать, Иде четыре.

В средиземноморском стиле? Аня поморщилась. Нет, витраж, который два года назад был сделан на окне, разделявшем кухню и ванную, не впишется в такой интерьер по цветовой гамме.

На кухонном столе стояла недопитая бутылка шампанского, в ванной капал кран. Между ними на маленьком окошке расцветали красные цветы, будто плывущие в темной воде, и лепестки были похожи на рыбы головы.

– 3 –

Свою супружескую жизнь Аня выкопала из снега.

За несколько дней до свадьбы они с Владом сильно поссорились. Аня уже совсем не помнила причины внезапной ссоры, помнила только злое равнодушие, насмешку и его голову, обрамленную черными накладными наушниками. В комнате спали дети, «молодожены» громко ругались на кухне. Большой серый кот по имени Пух жался к батарее. Аня стояла у окна, задущенная собственным бессилием, и ощущала, как сквозит из щелей деревянной рамы.

Что она чувствовала к этому человеку, с которым прожила столько лет? Она уже не могла бы ответить. Они так много пережили вместе, что это было как будто неважно. Ей нравилось с ним спать, если они спали вместе, нравилось пить вино, если они пили вместе. Было так весело, так по-родному. Как там у Хемингуэя? «Ешь с ним, пей с ним»?.. А глав-

ное – у них были дети.

На улице был сильный ветер и шел снег. Из окна дуло, Аня куталась в белую шаль с кистями, подаренную когда-то мамой. Кот забился под батарею и смотрел на нее своим странным внимательным взглядом. Капал кран. Щелкала компьютерная мышка. На лице ее будущего (будущего?) мужа застыло выражение нахальной чувственности.

– Господи, да когда уже мы сделаем ремонт...

Аня сказала это тихо, как бы самой себе, не ожидая ответа, но Влад внезапно оторвал взгляд от экрана и произнес исподлобья:

– Никогда.

Аня оторопела.

– Мы же нищие, Аня.

Потом вдруг рассмеялся:

– Да не переживай ты так! Окно заклеить надо. Уж скотч-то я купить пока могу.

И тогда Аня побежала.

Квартира была небольшой, но она очень долго бежала по ее коридору, бежала, цепляясь за косяки и спотыкаясь о вырванные бруски паркета. Она бежала, чувствуя, как за ней волочится холод, окаянный сквозняк, она бежала, и под ногами текла вода из сломанного крана с перепутанными температурными режимами. Она бежала, перепрыгивая через разбросанное по всей квартире «никогда», ржавое, торчащее кусками арматуры из половиц. Добежав до тумбочки, она

дернула ящик, взяла кольцо и побежала обратно, в кухню. Достала кольцо из пакета и выбросила его в форточку.

– Свадьбы не будет.

Накануне торжества они помирились.

– И что делать? – спросила Аня. – Я же выбросила кольцо.

Ты можешь его найти?

– Ты сумасшедшая. Там сугробы под окном.

– Но ты ведь даже не попробовал!

Влад дернул плечами, оделся и вышел на улицу. Через пять минут он вернулся.

– Я попробовал.

Аня вздохнула.

Она прошла в комнату. На плечиках висело ее свадебное платье и фата. Фатиновая юбка, украшенная стразами, слегка поблескивала в сумерках, по бюсту расползались синие цветы. Аня надела джинсы. Обулась. Взяла фонарь и вышла из квартиры. Закрывая дверь, остановилась, открыла обратно. Вошла, разулась, нашла в ванной комнате детский игрушечный веник, в коридоре отыскала желтую лопатку с длинной ручкой – и снова вышла.

На улице было темно. Аня встала под собственными окнами, растерянно глядя на сугробы.

Наверное, трещина была уже тогда, в одном из сугробов, но обнаружит ее Аня только через несколько лет.

«Сегодня я точно не встану», – подумала она и посмотрела на телефон. Заставка демонстрировала горный пейзаж с цветами у подножий. «Каганат...» – мелькнуло в голове, и Аня раздраженно смахнула заставку: это ее больше не касается, она не вернется в Тишину никогда.

Была суббота, около часа дня, и дети давно проснулись – Ида смотрела мультики на кухне, а Лиля уже ушла в музыкалку на занятия.

Аню снова накрыла волна жара, переходящего в озноб. Впрочем, температуры, кажется, не было. Аня не проверяла: ей было все равно. Она хотела только лежать и лежать, не открывая глаз, но нужно было хотя бы высморкаться, что ли, дойти до туалета, а заодно и покурить.

Аня вышла на балкон, закурила и посмотрела на телефон. Там была эсэмэс с пометкой «Одну минуту назад».

«Посмотри в окно на кухне».

Номер был неизвестным. Кто это мог быть? Что это значит? Аня сидела, кутаясь в шубу, волны дыма и жара, и ничего не могла понять.

«Как я могу посмотреть в окно на кухне, если я на балконе?» Не докурив до конца, она затушила бычок, вышла, сняла шубу и прошла на кухню.

Ее маму всегда смущали открытые шторы. Аню это не за-

ботило никогда. Она могла бы пройти перед ними вообще голой, если бы ходила в таком виде по дому, – поэтому и сейчас подошла, даже не набросив халат на голубую сорочку.

Напротив окон стояло бежевое здание с серыми панелями, тоже совершенно голое. Когда Аня переехала с бывшим мужем в эту квартиру, ее раздражал такой вид. Она даже думала написать в какую-нибудь инстанцию, чтобы ей разрешили покрыть эту монотонную стену цветами и листьями. Пусть бы там лучше росло дерево – например вишня, – а вокруг летали птицы, везде птицы – на ветках, на стволе, у корней. Можно бы еще вырастить у основания грибы и ландыши.

Постепенно Аня привыкла к этой стене, но помнила о своих непосаженных ландышах. Странно было видеть, как все вокруг меняется, а стена остается такой же. Изменилась квартира после ремонта, изменилась Аня, а уж дети как вытянулись...

Ян стоял у этого здания, на границе черного подножия вишни и снега. Линия, переводящая черный цвет в белый, была абсолютно четкой и прямой. Ян стоял на бежевом фоне в своей черной куртке, словно какие-то высокие, самые-самые высокие инстанции выдали наконец разрешение – и кто-то нарисовал на стене фигуру черного человека с белой головой. Он стоял на границе миров, на пороге двух инстанций, чуть не наступая на Анины не нарисованные ландыши. Может быть, Аня сама нарисовала его фигуру, пока спала в

полубреду, только не помнила этого.

Ян смотрел на Аню и улыбался. Она засмеялась, облокотившись о микроволновку на подоконнике, и обхватила голову руками.

* * *

Снег лежал плотными слоями, мертвыми изнутри. Где-то между ними было кольцо.

Сначала Аня прошла за ограждение под окнами и просто осмотрелась, светя фонариком под ноги. Везде было предсказуемо пусто и бело.

«Начнем отсюда», – сказала себе Аня и стала разгребать снег. Для этого она попыталась приблизительно определить траекторию полета кольца из форточки в сугроб.

Хотя «разгребать» – слово совсем неподходящее: она сначала как бы «откусывала» кусок сугроба лопаткой, отводила его в сторону и медленно разметала веником в свете фонаря. Внимательно осмотрев каждый слой, она продвигалась дальше.

Больше всего это было похоже на археологические раскопки. Аня будто рылась в отжившем мире собственной памяти, пытаясь отыскать причину того, что она сейчас здесь, с промокшими коленями и замерзшими руками. Она «кусала» сугроб за сугробом, разметала слой за слоем, пытаясь понять, сколько времени уже занимается этим странным де-

лом и не хватились ли ее дома. Но нет, никто не звонил, а сугробы не кончались, и был только снег, и ничего, кроме снега, не было.

И вдруг в одной из снежных трещин ее внимание привлекло что-то мелкое, белое, неопределенное. Она сама даже не поняла, как обнаружила это – белое на белом, но обнаружила. Взяла. Это была бирка от кольца, надежно соединенная с самим кольцом.

На кольце было семнадцать маленьких камушков – микроскопических фианитов голубого цвета. По правде говоря, Аня обожала его, потому и отправилась искать в сугробах среди ночи. Потому и не смогла пройти мимо, увидев в случайной ювелирной лавке, и купила его себе сама незадолго до свадьбы.

Она положила кольцо в рукавицу, будто пытаюсь согреть, и пошла домой.

* * *

– Мне скучно, – сказала Ида, пытаюсь влезть Ане на колени.

Ане было некогда, она собирала вещи: уже завтра дети уедут к бабушке, бывшей свекрови, и начнется ремонт.

– А ты порисуй, – попыталась отвлечь внучку Анина мама.

– Бабуля, я уже рисовала.

– Давай, нарисуй что-нибудь для дедушки. Я отвезу, он

будет рад. Ты же давно не приезжала.

– Не хочу.

Аня закатила глаза. Надо было что-то придумать, иначе все равно житья не даст.

– А давай... рисовать портреты, – осенило ее вдруг.

У Иды загорелись глаза.

– А как это?

– Ну, ты будешь рисовать меня, а я тебя.

– А Лиля будет рисовать бабулю! А бабуля – Лилю!

Бабуля всплеснула руками:

– Ой, ну я не умею...

– Тогда ты будешь позировать, – сказала Аня, достала карандаши и раздала детям по листочку.

Стало тихо. Все начали рисовать, только Анина мама просто смотрела и улыбалась.

– Эй, поверни голову обратно! – крикнула Лилия Ане.

– Но я же рисую!

– Я тоже.

Аня повернула голову, но тут возмутилась Ида.

– Мама, я тебя уже с другой головой рисую, повернись!

Аня рассмеялась и погрозила ей пальцем.

– Все! – Ида ликует. В пять лет она рисует уже очень хорошо, и при этом быстро.

– А теперь рисуй Лилю.

Все трое по очереди рисовали друг друга и, конечно, бабулю. Получалось очень по-разному. У двенадцатилетней Ли-

ли была уже выверенная техника, свой графический стиль – она рисовала только простым карандашом и черной гелевой ручкой. Ида – цветными карандашами. Аня – тоже, но в более пастельных тонах.

На первом ее рисунке была Лиля.

У Лили длинные ноги в коротких розовых шортах и оранжевая футболка. На рисунке Ани она – сплошь ноги и руки, острые локти и выпирающие коленки. Когда Лиля была маленькой, руки у нее были слабыми – постоянно случались вывихи. Аня рисовала короткими штрихами тени на Лилином лице, а волосы сделала распущенными, лежащими на плечах волнами, сплетенными на кончиках в тугие локоны. Тщательно прорисовав зеленые глаза, длинные темные ресницы и брови, она изобразила в руках дочери скрипку, на которой Лиля играет с шести лет.

На втором рисунке Ида.

Она – сплошной улыбающийся рот, в котором виднеются маленькие блестящие зубки. Аня изображает ее широкими, размашистыми движениями. На ней домашнее платье, которое когда-то носила Лиля. А под ним – трусы, которые тоже когда-то носила Лиля. Руки у Иды свои собственные, но с ними тоже как-то не задалось: уже три раза ломала. Аня рисовала подвижные тоненькие ручки, ошибалась, стирала ластиком и рисовала заново. Волосы у Иды торчат в разные стороны непослушным пушком. Зеленым карандашом Аня очертила радужку глаз.

На третьем рисунке мама.

Мама устало улыбалась. С возрастом она немного располнела, но это ее не портило: в волосах не было седины, морщин на лице немного. Она сидела, одетая в синий халат в мелкий белый горошек, черные колготки и носки – ей почему-то часто было холодно, хотя дома жарко, и это вызывало у всех легкое недоумение. Руки, сложенные замком, спокойно лежали на ее коленях. Поза расслабленная, спина прямая. Насколько Аня знает, мама никогда ничего себе не ломала. Аня аккуратно прорисовывала контуры тяжелой груди и спокойного, объемного живота синим карандашом, обозначая горошинки пустыми кружками, когда Ида протянула рисунок:

– Мама, это ты!

Аня взяла рисунок, посмотрела и улыбнулась. Волосы светлые, слегка волнистые, чуть ниже плеч. Глаза – цвета бутылочного стекла. Она узнавала и не узнавала себя, маленькую Иду в себе, маленькую Лилию в себе. Ида нарисовала даже пару небольших морщинок, и Аня узнавала в себе свою маму. На портрете Аня улыбалась, и ямочки на щеках – общая семейная черта – были обозначены небольшими точками. Ида умела ловить мамину радость, и на рисунке Аня выглядела счастливой.

– Влад, когда ты наконец заберешь свои вещи?

Зажав трубку плечом, Аня меняла лезвие.

Лезвие всегда должно быть острым, иначе работа тормозится: пленка прорезается тяжело, руки двигаются медленно. Некоторые мастера эти лезвия пробуют затачивать. О да, Аня работала с такими: при заточке на них всегда образуются зазубрины, которые рвут пленку. Ну их на фиг.

– Послушай, а почему меня должно беспокоить, куда ты их перевезешь? Ты понимаешь, что у меня своих вещей хватает, куда мне девать еще и твои?

Аня раздражалась. Она провела ножом по пленке, нажимая сильнее, чем нужно, и кончик лезвия обломился, отскочив в сторону.

– Влад, я уже давала тебе неделю. Две недели назад. А почему ты думаешь, что у меня все проще? С чего ты взял вообще? У меня ремонт начался, я даже свои вещи выбрасываю! Почему я сейчас должна думать о твоих шмотках, вместо того чтобы работать?

– Я не могу забрать вещи. Я вчера на улице ночевал.

Аня закрыла глаза.

– Почему?

– Потому что не получилось вписаться туда, куда я собирался.

– Меня. Интересует. Только. Одна. Вещь, – сказала она, чеканя каждое слово. – Почему меня должны волновать твои проблемы, а тебя мои – нет? Почему ты не можешь хотя бы раз решить все самостоятельно? Ведь ты же можешь решить?

– Не могу.

– Вот поэтому я с тобой и развелась. А сейчас я по-человечески прошу тебя оставить меня в покое и дать поработать.

– Ой, да че ты там работаешь? Знаю я твою работу...

Аня побелела.

«Возьми себя в руки», – приказала она себе, положила телефон в карман и обернулась. За спиной стоял Стас и смотрел на нее, открыв рот.

– Что-то случилось?

– Нет. У меня все очень хорошо. Ты обработал кромку?

* * *

Шел ремонт, кругом клубилась белая пыль, проникавшая во все углы, несмотря на меры предосторожности. Всю мебель запихнули в детскую и кухню, и в шестиметровой кухне было не протолкнуться.

Ремонт начали с большой комнаты, обмотав все предметы стрейчем. Сложнее всего было замотать пианино – старинный немецкий инструмент, играть на котором никто не умел, но понемногу училась Лиля. Хотя крышка и была закрыта, сейчас на пианино исполнялась пьеса. Аня не знала,

бывают ли пьесы больше чем на четыре руки, но у них была на шесть. Они заматывали его втроем: мама держала рулон пленки, Аня старательно закрывала инструмент, а один из рабочих помогал, прихватывая скотчем, где необходимо. Пианино казалось Ане огромным неуклюжим младенцем, которого нужно спеленать, и она пеленала – в пленку, потом в простыню, потом в еще одну, и еще, – оглаживая каждую складочку спящего деревянного тела.

Казалось, пыль в квартире перестала оседать навсегда. Она просто стояла в воздухе, сквозь нее светило солнце, под ее потоками двигались люди. Иногда Аня заворуженно смотрела, как в мельчайшем белом конденсате перекатывались мускулы рабочих, блестящих от пота.

Было очень жарко. Аня просыпалась мокрая и белая, как непросохшая известковая стена. Все вокруг было белым, и чем больше они с мамой мыли и подметали, тем белее становилось. Когда Аня вечером подметала коридор, она чувствовала себя дворником во время снегопада.

Тяжелее всего был бесконечный шум. Снегопад – он тихий, спокойный. А здесь творилось черт знает что: рабочие перекрикивали музыку, постоянно что-то сверлили, приколачивали, перемешивали. Марья Дмитриевна нескончаемо мыла и готовила. Аня непрерывно варила кофе.

Электрик Женя пьет черный, без сахара. В комнате что-то упало, раздался громкий мат. Аня поморщилась, поставила чайник. Штукатурщица Лида пьет кофе с двумя лож-

ками сахара и молоком. «Ого, да здесь трещина по несущей стене!» Ложечка стучит о кружку, в стену ударяется лепешка штукатурки, мама с булькающим звуком елозит тряпкой по полу.

Аня остановилась и закрыла глаза.

Трещину в стене заштукатурили, и ее больше не было видно. Но даже сквозь закрытые глаза, сквозь слои шпаклевки – Аня видела ее.

Такую же трещину она увидит несколько лет спустя – в другом доме, в другой стране, но только – внутри себя самой.

* * *

– Ты веш⁶, что настоящие шаманы во время камлания всегда надевают на глаза специальную повязку? Такую как бы бахрому. Чтобы он мог что-то видеть, но никто не мог бы увидеть его зрачки.

Ян сидел рядом на стуле в одних трусах и курил тонкую глиняную трубку. Аня смотрела на него почти не дыша. Иногда он поднимал руку, поправляя повязку на волосах, и тогда в его плечах будто перекатывался валик. Аня смотрела жадно, стараясь запомнить, не упустить, и так же жадно слушала.

– Почему?

---

⁶ Ты знаешьш (*польск.*).

– Потому что в этот момент у шамана в каждом глазу пиздец.

Аня рассмеялась.

– Вот поэтому я пою почти всегда с замкнутыми глазами⁷, – закончил Ян начатую мысль.

– Я тоже.

Кажется, она хотела сказать что-то еще, но заметила взгляд Яна на себе. Он смотрел на нее так, как, должно быть, смотрят шаманы во время камлания.

– Не смотри на меня, а то я не могу говорить.

Она замерла.

– То есть нет, смотри. Смотри. Смотри. Смотри.

Не отрывая от него глаз, она спустила бретельки с плеч, и сорочка соскользнула на пол.

Ян продолжал смотреть ей в лицо, в глаза, будто у нее не существовало тела, словно ее руки и ноги отменились за ненужностью, словно она была абсолютно бесплотна, бесполой, бестелесна. В эту секунду не существовало даже чловека, сидящего напротив, – все его тело рассыпалось на шарики мускулов, оставались только глаза, и от нее оставались только глаза, и в каждом из этих глаз, на дне зрачка, светился необъяснимый яростный пиздец.

---

⁷ С закрытыми глазами (польск.).

Вскоре после начала ремонта мама уехала к родственникам, и Аня осталась руководить процессом.

Утром она бродила по строительному магазину с тележкой, груженной плиткой и обоями, с картонным стаканом кофе в руках. Вернувшись оттуда, показывала электрику, где устанавливать розетки, принимала доставку стройматериалов и проектировала большой шкаф-купе в комнату. Запасы кофе поистощились, и Аня решила, что Лида и Женя могут сами себя им обеспечить.

А по вечерам она оставалась одна.

Одна!

Это слово казалось ей воплощением роскоши. Она ложилась на пол, прямо поверх пленки, закрывающей свежий линолеум, смеялась и катала во рту это новое, прекрасное слово.

«Од-на». Аня открывала вино и нарезала сыр маленькими кубиками. «О-о-одна-а-а». Аня брала ноутбук и включала какой-нибудь легкий и прекрасный фильм. «Одна».

А когда ей надоедало, она шла гулять. Одна, конечно.

Было лето, и все вокруг было ласковым и манящим, каждый дом раскрывался неизвестной новой перспективой, и дорога разматывалась под ногами, как желтая полоска от витражной свинцовой ленты.

Иногда Аню вызывали поработать в цеху, тогда она уходила на весь день. Некоторые вечера она проводила, погружившись в ремонтный азарт. Например, ей вздумалось вдруг перекрасить купленную для детской люстру, а заодно практически всю фурнитуру для новых дверей. Для этих целей она купила баллончик золотой краски, застелила пол газетами и полночи брызгала – как указано на этикетке, под углом в сорок пять градусов. Ближе к утру она заснула там же, на полу, в ворохе газет. Наутро она обнаружила, что у нее и вправду золотые руки: люстра была выкрашена ровно, и так же ровно золото из баллончика лежало на ее пальцах.

– 5 –

Незадолго до развода Аню (конечно, вместе с Владом) пригласили на свадьбу: подруга детства, Тая, выходила замуж. Тая еще помнила то время, когда Аня пела, и изредка просила ее что-нибудь исполнить, хотя уже смирилась, что она совсем перестала это делать.

– Слушай, а давай что-нибудь восстановим из старого репертуара? Тая обрадуется.

Влад пожал плечами.

– Ну, попробовать-то можно, че.

Они как раз только помирились после крупной ссоры, и Влад на многое был готов. Даже взять в руки гитару. Он даже вернулся на вышку, как когда-то – когда Лиля была еще

маленькой, а он работал монтажником электросетей.

Правда, в последние дни он почему-то сидел дома, и дни-ги снова заканчивались. Ане не хотелось ругаться, особенно накануне праздника. Иногда лучше петь, чем говорить.

И она пела, он играл, совсем как раньше. И Ане казалось, что она все придумала, и как же хорошо, что они вместе.

Накануне назначенного дня Аня достала роскошное шелковое платье, недавно подаренное ей тетей. То, что надо, только подшить немного.

– Влад, дай мне пятьсот рублей, пожалуйста, надо платье подшить.

– У меня нету.

– Как нету? Ты же на вышку вернулся?

– Мы поссорились, и я ушел.

Аня встала у окна, в задумчивости крутя на пальце золотое кольцо. Семнадцать голубых камушков тускло поблескивали. Она немного постояла молча, потом, так же молча, неторопливо вышла из кухни, вышла из квартиры, вышла из подъезда, протянула руку в окошко ломбарда и положила кольцо на разменное блюдо.

– Вес маленький. Еще что-нибудь есть?

Аня сняла с шеи цепочку с крестиком и положила сверху на кольцо. На блюде получилась маленькая золотая горка.

Как-то утром, во время ремонта, Аню разбудил настойчивый стук в дверь. Аня прошла по застеленному пленкой полу и посмотрела в глазок.

– Вы когда свой хлам с лестницы уберете? Ступить некуда, такую грязь развели!

Соседи из квартиры по диагонали никогда не отличались терпением и тактом. Когда Аня с Владом только въезжали сюда, то, внося вещи в квартиру, случайно чем-то задели их дверь. И соседка сразу вспылала к ним черной ненавистью.

– Моя новая дверь, – верещала она. – Моя новая дверь! Кто возместит мне убытки?

Ее толстый плешивый муж смотрел извиняющимся взглядом, но остановить трактор, который присудил ему Господь, даже не пытался.

Когда маленькая Ида в два года сломала руку и Аня сидела с ней дома, соседка ломилась в квартиру с требованием немедленно убрать пакет с мусором, стоявший у порога. У Аниного порога. Но соседке пакет мешал.

– Я вынесу чуть позже. Видите – у ребенка рука сломана? Я не могу прямо сейчас оставить ее...

Но трактор продолжал движение и издавал ультра-звук. Ида заплакала. Тогда Аня взяла ее на руки и, глядя трактору в лицо, отчетливо произнесла:

– Пошла. На хер.

И закрыла дверь.

Но сейчас она понимала, что соседка права и, если что-то не предпринять, слать на хер будут уже Аню, причем все соседи по подъезду.

Она посмотрела объявления в сети по вывозу строительного мусора. Их было полно, но все они хотели вывозить только сразу очень много, объемом с весь дом, и денег получать примерно столько же.

Аня вышла и оглядела лестничную площадку. Весь пролет между вторым и третьим этажом, исключая небольшой проход, был завален пластиковыми мешками, белыми и зелеными, из которых торчали куски досок и огрызки кафеля. Несколько грязных листов фанеры стояло отдельно, рядом с выломанными дверными косяками. Да, их было немало, но и не размером с дом. Так, мешков пятнадцать, никак не больше.

Она спустилась во двор и увидела дворника.

– Пять тысяч, – сказал дворник.

– Да контейнер столько же стоит, – ахнула Аня.

– Пять тысяч.

Аня возмутилась. Не то чтобы у нее не было этих пяти тысяч, но ее мусор стоил явно меньше. Без особой надежды позвонила Владу, потом еще кому-то. Все были заняты, или ленивы, или им просто было наплевать. Это не имело никакого значения.

Аня была совершенно свободна, ничуть не ленива, и если ей и хотелось на что-то наплевать, то, скорее, на общественные устои и мораль. Поэтому, вернувшись в дом, она подошла к зеркалу, кивнула своему отражению и мысленно пожала себе руку.

Дождавшись вечера, она пошла в «Перекресток» и обратилась к охраннику. Ей было, конечно, наплевать на устои и все такое, но воровать тележки из супермаркета она все же не очень умела. Оставив в залог паспорт, она взяла большую тележку и под покровом тьмы покатила ее к своему подъезду.

Надела прорезиненные перчатки и первым делом вытащила небольшую доску, чтобы припереть ею дверь. Потом вернулась, взяла мешок за горло и потащила его вниз, оставляя длинный белый хвост.

Сначала она перенесла самые легкие мешки – с бумагой и паркетом. Когда дело дошло до кафеля, Аня стала дожидаться, пока в подъезд кто-нибудь войдет и поможет. Оставшиеся три мешка, самые тяжелые, перетащил вниз сосед с четвертого этажа.

Потом Аня нагрузила тележку первыми мешками, и тележка, шумно дребезжа, покатила их к строительной мусорке. Это было совсем недалеко. Но свободного места в том контейнере было мало, поэтому вскоре бело-зеленые мешки оказались во всех близлежащих контейнерах.

Было уже очень поздно, Аня порядком вымоталась и уже

вовсю проклинала свою неумемную (и неумную) натуру. Вся грязная, она грузила мешки, казавшиеся бесконечными, на очень и очень конечную тележку и дребезжала ею на всю Москву. Оставалось несколько самых тяжелых мешков, рулон старого линолеума и один незадействованный контейнер. Кое-как загрузив тележку, Аня покатила к нему.

Мешок с грохотом обвалился на дно, звонко рассыпая по контейнеру куски кафеля. Когда шум затих, Аня услышала возле мусорки странное шевеление. Заглянув за зеленую дверцу, она увидела двух бомжей, лежащих в обнимку на куске картона. Один из них недовольно смотрел на Аню.

– Простите, что разбудила. Вам нужен линолеум?

Бомж оказался очень веселым и общительным. Оставив ему пару сотен на пропой, Аня повезла пустую тележку обратно в «Перекресток». Забрала паспорт, вернулась домой. Подмела и помыла площадку. Встала под душ и долго-долго смывала с себя запахи известки, мусорки и плитки, ввевшуюся под кожу пыль. Отмывшись, она вдруг захотела выйти наружу, на улицу, подальше от этой бесконечной грязи, от всего этого ремонта, от закрытого пленкой пола, крашеной люстры и заветревших брусков сыра на листе газеты.

Она вышла из подъезда, присела на низкий заборчик и закурила, с наслаждением втягивая дым. Осмотрелась. Весь двор давно и крепко спал, молчали на детской площадке сломанные качели. И вдруг что-то блеснуло у бордюра. Аня подошла и наклонилась. Это был браслет – красивый, хитрого

широкого плетения. Кажется, серебряный. Мужской.

* * *

– Кельты тысячи лет сплетали самые красивые мелодии. Тylko для тебе⁸, – написал Ян и погладил браслет, накануне подаренный Аней.

Аня улыбнулась.

– А я написала к твоему дню рождения блюз. Голос еще не восстановился, спеть нормально не могу, поэтому я его нашептала. Просто представь, что я пою его в спальне.

– Mo chuisle⁹.

– Только как его отправить? У меня не получается...

Аня раздраженно рылась в телефоне. Она никак не могла сообразить, что должна сделать. Что-то же всегда можно сделать.

– Почему не получается отправить с телефонного диктофона? Что делать, вообще не понимаю...

– Так и вижу, как ты борешься с проводами и невидимыми течениями интернета. Прямо как Лаокоон со змеями.

Аня действительно словно бродила во тьме собственно-

---

⁸ С закрытыми глазами (*польск.*).

⁹ Здесь отсылка к ирландской песне «Macushla» (Dermot Macmurrrough, Josephine V. Rowe). Название является транслитерацией ирландского словосочетания *mo chuisle*, что означает «мой пульс». В контексте песни (и текста) – «дорогая», «сердце мое».

го глухого сознания, натываясь на углы и бордюры. Ей казалось, что она идет вброд по длинному мелкому бассейну, полному змей-проводов, то сплетающихся в клубки, то расплетающихся, и вода вокруг была густая и тяжелая. Но наконец нужные проводки сомкнулись в ее руках, файл сконвертировался и уплыл во тьму.

И сама Аня плыла куда-то. Она лежала на длинном тонком листе прозрачного стекла, как на ледяном плоту, который бережно прикусила с одного конца змея, и точно знала, что змея ведет ее именно туда, где она должна быть. Мелкий бассейн расширился, разошелся, под ней еле заметно поблескивал планктон и проплывали большие серебряные рыбы. Она опустила в воду руку, и одна из рыб подплыла, высунув голову из воды, сказала: *«Mo chuisle»*, – а потом слегка прикусила Анину ладонь и скрылась.

* * *

Она проснулась от того, что в дверь снова яростно колоутили.

– Открывай! Мы знаем, что это ты! Это твой мусор! Сейчас мы принесем его тебе обратно и сложим под дверь!

Таджик в оранжевой жилетке, с перекошенным от злобы лицом, что есть силы долбился в дверь. Потом ушел.

Аня подошла к окну. Недалеко от дома два оранжевых человека несли один знакомый мешок в четыре руки в сторону

строительной мусорки. Аня рассмеялась и поставила джеззу на газ.

– 6 –

Заказы, которые она получала в мастерской, были сложнее. Не только технически: Аня часто выезжала на объекты, хозяева которых воспринимали ее как рабочего наряду с сантехником. Это была тяжелая, совсем не женская работа, особенно когда речь шла о монтаже или двусторонних витражах на больших стеклах. В этом случае сначала надо было перевернуть стекло, чтобы выложить вторую сторону, – ведь в пленке только лицевая сторона выглядит как полноценный витраж, и, если обратная на виду, ее тоже нужно выкладывать лентой. Конечно, работа с большими стеклами выполнялась прямо на объекте.

– Поднимай! Аккуратнее, нет, за этот край не держи, здесь! Держишь? Точно держишь?

Аня боязливо отпустила стекло и наклонилась, быстрыми движениями скатывая бумажный шаблон и хаотично расставляя пробковые квадраты по всей площади: иначе лента поцарапается, когда витраж перевернут. То и дело она поглядывала на стекло и двух рабочих, которые его держали. Одно только стекло без ленты весило семьдесят килограммов, а в высоту и ширину было больше трех метров, поэтому витраж выкладывался прямо на полу.

– Стойте, я сфотографирую.

Она навела фокус, щелкнула. Да, получилось красиво. Осталось выложить вторую сторону.

– Тихо! Я придержу.

Если бы кто-то из ребят отвлекся и эта дура упала бы Ане на голову, от нее осталось бы только мокрое место. Красное мокрое место.

«Мертвое красное место, – катала Аня во рту забавную фразу. – Звучит очень по-морскому».

Удивительно, что за столько лет она так и не научилась равнодушно смотреть на всяческие манипуляции со своими стеклами. Кажется, в тот момент, когда чья-то чужая рука касалась стекла, в ее воображении оно уже разбивалось, осколки летели во все стороны, конечно же зацепив по дороге какую-нибудь хозяйскую кошку и воткнувшись в ее маленький череп. И к тому времени, когда витраж был перевернут, кошку уже хоронили на местном кладбище, дети рыдали, а взрослые фотографировали Аню в профиль.

Примерно так же она чувствовала себя, когда пеленала своих новорожденных детей, каждого в свое время.

Вот нужно, например, поменять памперс. Пеленальный столик стоит возле тумбочки, на которой находится коробка с влажными салфетками. Надо сделать ровно три движения: протянуть руку влево (правая рука фиксирует младенца), нажать кнопку открытия коробки с салфетками, достать салфетку (левая рука возвращается на исходную позицию).

На три движения – один скользящий взгляд в сторону. Ты держишь ребенка одной рукой. Ты чувствуешь его теплое упругое тельце, его запах (разный в такие непростые моменты), слышишь гуление или плач, а может быть, он замолк, разглядывая что-то неведомое. Три движения. Один взгляд в сторону (доля секунды). Но в то мгновение, когда глазные яблоки начинают поворот влево, в мозгу включается адское кино. Это не длится почти нисколько, но в это маленькое «нисколько» ты не видишь ребенка. А кино крутится – мозг-то видит.

Один. Ребенок переворачивается на живот. Два. Ты не успеваешь сообразить, что происходит, ты этого не видишь, а правая рука слепа – это же рука, просто рука, и глаз у нее нет, – но ребенок уже ползет за бортик. Три.

У тебя заходится сердце и лопается к чертям собачьим, но зрачки и пальцы уже вернулись на позиции, ребенок улыбается, ты улыбаешься, из подмышки течет струйка пота. Ты не будешь ее стирать, потому что для этого нужно будет снова убрать руку.

На самом деле, если бы ребенок – упаси Боже – упал бы и ударился, это было бы уже не так страшно, потому что все самое страшное в твоей голове уже произошло. И если бы рабочие не удержали семьдесят килограммов стекла, это тоже было бы не страшно. Все лечится, все клеится, ребенка бы спасли врачи, витраж сделался бы сначала. Но мало что может сравниться с тем мимолетным кошмаром, который ты

переживаешь, пока считаешь до трех.

Аня поправила наколенники и опустилась возле стекла. Оно очень большое, и через несколько часов она будет сидеть по центру – распределив вес специальным образом, чтобы стекло не лопнуло под ней. Когда она разувается и проходит по витражу ногами, появляется ощущение, что она идет по воде, на которой растут цветы. Она смеется, вспоминая, что йоги ходят по битому стеклу. Интересно, рискнули бы они пройти ногами по витражу?

* * *

– Нужно долго лезть вверх. Як наймней – два дни¹⁰.

Аня задирает голову и видит холмистую громадину, сплошь усыпанную цветами. Цветы в каганате источают дурманящий запах, и у нее кружится голова.

– Я сейчас упаду.

– Не позволю тебе упасть. Нигды¹¹, – говорит Ян.

– И разобьюсь, – дразнит его Аня и показывает язык.

Ян вдруг сердится.

– Не смей так говорить. Нигды.

Они лезут вверх вместе, у него на плечах вместо рюкзака Анина черная дорожная сумка. Аня немного отстает и видит, как Ян цепляется пальцами за уступы, как ставит ногу

---

¹⁰ Как минимум – два дня (*польск.*).

¹¹ Никогда (*польск.*).

в неизменно высоком ботинке землистого цвета. Седые волосы стянуты резинкой, на голове серая повязка вроде банданы.

От постоянного контакта с травой пальцы Ани стали совсем зелеными, как и одежда – особенно на локтях и коленях.

– Нигды – это очень долго. Дольше двух дней, – говорит Аня.

Ей кажется, что они ползут гораздо, гораздо дольше. И в самом деле, прошло уже... Впрочем, определить это невозможно, и от этого почему-то очень легко и спокойно.

Иногда они останавливаются передохнуть и устраивают небольшой пикник. Ян открывает сумку, достает вино, хлеб и пакетик черники. Он садится, глядя в сторону горизонта, Аня ложится головой к нему на колени, и Ян кладет ей в рот крупную ягоду, размером с небольшую вишню. Она берет ее одними губами, катает под языком, выталкивает часть обратно, слегка прикусывая. Сок брызжет на щеку, Ян наклоняется и слизывает его.

Под ними простирается бесконечный простор, вмещающий в себя все природные зоны и географические широты, все временные пояса и сезоны разом. Над ними растет огромный солнечный шар, словно гигантский одуванчик. Он слегка покачивается от ветра и все увеличивается, пока полностью не заполняет собой все небо, будто на глаза наложили желтую марлевую повязку.

– На самом деле, – говорит Аня, – было страшновато. Научи меня не бояться высоты.

– Так, – тихо отвечает Ян. – Але щпий пуки цо¹².

Он сгребает Аню в охапку, полностью, берет на руки и качает, как маленькую. И Ане кажется, будто она сама – одуванчик, легкий-легкий, белый и уже отцветший, и она летит, летит во все стороны одновременно, и на глазах ее желтая марля, делающая этот холмистый мир золотым. Она летит, качаясь в этом солнечном звенящем «никогда», и знает, что они еще не добрались, и добираться еще долго-долго – два дня как минимум.

Аня открывает глаза.

– Боже мой... Ты покажешь мне это?..

– Нужно долго лезть вверх.

Она задумалась, пытаясь представить такую высокую гору, по которой можно лезть так долго, и никак не могла.

– Я никогда такого не видела.

– А я никогда такого не слышал – чтобы блюз пели шепотом. Знову збежнощчь¹³. У нас с тобой сплошная збежнощчь.

– Тогда вот тебе еще одна збежнощчь: сегодня ровно год моему разводу.

---

¹² Да, спи (польск.).

¹³ Совпадение (польск.).

Как только Аня надела платье, собираясь на свадьбу подруги, все ее страхи и печали исчезли. Кружевной лиф, струящийся шелк длинной юбки с вышитыми анемонами, сиреневые туфли на тонкой шпильке – все говорило о радости и легкости. Она уложила светлые волосы локонами и посмотрела на Влада: в светло-сером костюме он был красавчиком. Они сели в такси и поехали.

Тая была словно куколка – маленькая куколка со светящимся лицом. Кругом царил атмосфера романтики, все целовались и пили шампанское. Аня прониклась общей радостью и прижалась к Владу.

– Как хорошо, что мы вместе.

Они, как и планировали, приготовили несколько песен, чтобы исполнить их на вечеринке. Оба слегка волновались, все-таки выступлений не было давно – лет шесть так точно.

Для начала они пошли порепетировать в пустой ресторан.

Свадьбу праздновали в усадьбе, украшенной фонтанами, клумбами и причудливо постриженными кустами. Возле ресторана цвел белыми цветами высокий зеленый конь. Он стоял на задних ногах, а передними молотил воздух, и копыта были мягкими и душистыми.

– Можно мы у вас здесь немного попоем? – спросила Аня у официантки в коричневом переднике.

Им разрешили и указали на пустой зал, где накрывались столы для какого-то чужого банкета. Влад расчехлил гитару.

– Третью подними чуток. Давай со «Свадьбы».

Кроме собственного репертуара они решили взять старую добрую песню о проселочной дороге, по которой молча шел Муслим Магомаев. Аня пела и стучала в маленький детский бубен, который она взяла из дома, и металлические бляшки стукались друг о друга и звенели. Официанты расставляли блюда, улыбаясь и пританцовывая. Проводив печального Магомаева, запели о весне. О том, как грязно весной, и хорошо, и счастливо. Официантка в коричневом переднике слушала, облокотившись о стол, а потом тихо вышла.

Они допели и тоже вышли, вернулись к своим и продолжили пить шампанское. Их банкет был на открытой террасе, украшенной розовыми бутонами и белым шифоновым полотном. Все танцевали и смеялись, беспорядочно носились чьи-то дети, молодожены украдкой целовались, завернувшись в шифон.

Когда пришло время, Аня взяла микрофон и вышла на середину зала. Зрители были и без того вполне счастливы, поэтому петь было легко, и Аня слушала свой голос как будто со стороны. Влад, разогретый спиртным, играл с удовольствием.

После выступления они курили на крыльце террасы. К Ане подошла Тая.

– Ты не забыла. Спасибо тебе огромное.

У Таи в глазах стояли слезы. Аня смутилась и обняла ее.

– Пойдем танцевать?

– Сейчас, покурю.

– Ага, подтягивайся.

Тая ушла, но почти тут же подошел какой-то незнакомый мужчина.

– Вы здорово пели.

– Спасибо.

Он улыбнулся и отошел в сторону, но оказалось, что за его спиной стоит кто-то еще...

Сигарета тлела, а к Ане продолжали идти люди. Они говорили какие-то слова, Аня растерянно благодарила, а Влад мрачно курил рядом. Когда они докурили, он сказал, глядя в сторону:

– Меня там как будто вообще не было.

– Почему ты придаешь этому значение? Давай лучше потанцуем.

– Не, я лучше водки выпью.

Аня покачала головой и села на свое место, но тут же встала, отвечая на чье-то приглашение танцевать.

Ближе к ночи гости стали разбредаться кто куда. Некоторые отправились по домам на такси, остальных распределили по гостевым домикам. Аня вместе с Владом оказались в знакомой дружной компании. Им вручили пакет с едой, оставшейся после банкета, и ящик пива.

Влад достал гитару, они снова начали петь. Сидевшая ря-

дом общая знакомая смотрела на него восхищенными глазами, а потом наклонилась к Аниному уху и почти простонала:
– Блин, как тебе с ним повезло, он такой классный!..

Аня хмыкнула и неопределенно мотнула головой. Влад был уже очень пьян, плохо попадал по струнам, пел разболтанно и весь шатался.

– Пойдем-ка спать.

Она взяла его за руку и потянула в комнату. Остальные продолжали пить.

– Ляжем здесь, – повелительно сказал Влад и рухнул на широкий диван.

– Эй, подожди, я хоть простынь постелю.

Он встал и, пошатываясь, вышел. Аня стелила постель и слышала, как Влад произносит тост, смеется. В соседней комнате кто-то громко ругался, в туалете кого-то рвало. Она разделась, легла и сразу же уснула.

Сквозь сон Аня слышала, как дверь открылась, как Влад расстегивал ремень на брюках, потом он лег и захрапел. Но не прошло и пяти минут, как дверь снова распахнулась, включился свет, и на них двинулась большая шатающаяся фигура.

– А-а... – Влад пьяно замычал и потер глаза. – Кто свет включил?

– Ребят, – произнес заикающийся голос, – можно я тут с вами с краешка лягу?

Это был Олег – добродушный толстяк, старый знакомый.

Досидел до последнего, и теперь ему действительно негде было лечь – кроватей на всех не хватало. Аня придвинулась ближе к стене.

– Конечно, ложись.

Но Влад резко приподнялся на локтях и сказал:

– Нет. Это наш диван.

– Влад, ты чего? Пусть ложится, куда же...

Но она не смогла договорить. Влад вдруг сомкнул руки на ее горле и зашипел:

– Ты что, сука, думаешь, всегда будешь все решать? Ты тут центр вселенной, что ли?

Он отпустил ее шею, и Аня глотнула воздух. Почему-то при этом болезненно натянулись волосы – одновременно, словно эта боль была прямым следствием дыхания. Влад наматал ее волосы на кулак и таким образом потащил куда-то в сторону, с дивана. Аня пыталась одной рукой цепляться за что-то, удерживая простыню на голой груди, а другой – расцепить железную мужскую хватку, но у нее не получалось ни одно, ни другое, ни третье. Кожу головы жгло, она, кажется, закричала. Влад протащил ее за волосы на другой конец комнаты и замахнулся для удара, но Олег, опешивший поначалу, успел перехватить его руку.

Влад обернулся и ударил Олега. Потом как-то дико огляделся, попятился, неслышно шевеля губами, и вышел из комнаты.

Аня убрала от лица руки. Ощупала шею. Открыла глаза.

Над ней стояли люди, а она сидела в углу в одних трусах.

Она провела ладонью по голове, собирая вырванные волосы и глядя на проем, в котором исчез Влад, и почему-то вспоминала поездку, которая была давно-давно, в прошлой жизни. Как они ехали в Подмоскowie на автобусе. Была весна. Приехали они уже глубокой ночью, стояли на остановке и курили, и вдруг Аня почувствовала, как что-то упало ей на ухо. Она отпрянула, испугавшись, и увидела мелькнувшего перед носом большого жука. Аня огляделась. Кругом были жуки. Они кружили в свете фонарей и громко жужжали. Летали как безумные: сталкивались друг с другом, и жужжали, очень громко жужжали. В воздухе стоял гул.

– Майские жуки, – сказал Влад. – Хрущи.

Аня снова вздрогнула: один из жуков запутался в ее волосах.

– А-а-а, сними его с меня!

Влад рассмеялся, взял жука и выпустил его в круг фонарного света.

Когда-то он спасал ее даже от жуков. Но это было так давно... Когда, а главное – почему это изменилось?

Аня сняла с головы еще один вырванный клоч, потом встала, взяла простыню, укрылась и легла. Щелкнул выключатель. Аня лежала, глядя в темноту.

Вошел Влад. Лег рядом.

«Спи с ним. Умирай с ним»¹⁴.

---

¹⁴ Эрнест Хемингуэй, «По ком звонит колокол».

– Причешешь меня?

Ян останавливает взгляд на ее лице и какое-то время смотрит. Странно смотрит, и Аня не понимает, что конкретно он рассматривает в данный момент. Сам взгляд длится долю секунды и направлен на лицо, но охватывает одновременно все тело, словно под кожей пролегает сеть электрических диодов, подсоединенных к ней невидимыми проводами. И по одной зажигается каждая из миллиарда лампочек – то в зрачке, то на крыльях носа, то на еле заметной родинке у виска. Диоды бегут быстро и, подверженные цепной реакции, больше уже не гаснут, не умирают, а будто включают все ее лицо, автоматически подключая волосы, шею, все тело – поочередно и целостно одновременно.

Аня успевает лишь растерянно поднять брови и перевести дыхание. Она не раз уже пробовала, но никогда не могла поймать этот взгляд. Не получается, и она чувствует себя восторженно и глупо, словно школьница, наблюдающая за химическими опытами.

Он берет из ее рук расческу, расфокусированно видит рисунок на деревянной ручке и отделяет от волос Ани небольшую прядь. Аня закрывает глаза и слегка наклоняет голову назад. Он причесывает ее очень долго, будто эта прядь длиннее самой себя в сорок раз. Глаза Ани закрыты, а прядь

длится и длится.

Когда одна прядь кончается, он берет другую, третью – и сплетает их в косичку.

Аня подходит к зеркалу, улыбается.

– Это идеальная прическа.

Она прикалывает косичку к виску заколкой, придиричиво смотрит.

– Заплети мне такую же с другой стороны.

Ян бросает испуганный взгляд на часы, потом переводит его на Аню. От этого она тоже пугается, и Ян говорит:

– Щядай. Здонже¹⁵.

Он плетет еще одну косичку, на этот раз торопливо, и выходит не так ровно.

– Ты дочек сам заплетаешь?

– Звыкле¹⁶.

– Знаешь, – говорит Аня, – когда родилась Ида, я сначала шутила, что Бог послал мне вторую дочку в наказание за то, что я так и не научилась плести косички с первой.

– Дети не бывают в наказание.

– Конечно. Я знаю.

Аня смотрит в зеркало, симметрично прикалывает вторую косичку. Косичка уже немного другая. И сама Аня уже немного другая, другая расческа лежит на подоконнике, и только ее сумка для путешествий, стоящая в углу и напоми-

---

¹⁵ Садись. Успею (*польск.*).

¹⁶ Зачастую (*польск.*).

нающая о временности и быстротечности всего, – та же самая. Черная.

* * *

На самом деле, в глубине души Аня понимала, когда в ней появилась трещина. Это произошло не на свадьбе друзей, где Влад схватил ее за волосы, накануне их развода – гораздо раньше. И не тогда, когда Аня ушла из стеклорезки и открыла первую мастерскую (которая и на мастерскую-то похожа не была – так, подвальчик пять на пять) – намного, намного раньше. Но осознает она это потом, когда сделает дома ремонт и найдет новое рабочее помещение с большими окнами. Когда встретит Яна. И начнет разделять все события своей жизни на «до» и «после» и сравнивать, сравнивать и вспоминать. Это Ян принес ей музыку, и музыка обнаружила трещину где-то во внутренней темноте. Музыка размывала еле сомкнувшиеся стенки старого пореза и именно поэтому причиняла такую боль: все действительно началось с музыки.

Началось и вдруг оборвалось вместе с нею – резко, как отломившийся кончик лезвия макетного ножа. Так резко, что Аня не уловила эту связь. Долгое время она думала, что главную трещину запустили события четырехлетней давности – времени ухода из стеклорезки, открытия подвальчика и цепочки дальнейших происшествий.

– Попробуй еще раз. Смотри.

Аня взяла ленту и показала снова.

– Видишь? Изгиб должен быть плавным и мягким. Старайся сразу же делать ровно, иначе замучаешься потом ровнять.

– Да я так же вроде делаю, – психовала Маша.

– Ничего, все получится. Потренируйся еще. Как говорила моя бабушка, в любом деле первые тридцать лет сложно.

– Ха, звучит обнадеживающе.

Маша улыбнулась. Аня оставила ее ковыряться с образом, а сама вернулась к лампе.

«Что такое?» – думала она. Лампа не перегорела, но светила плохо – тускло и, часто мигая, периодически выключалась совсем. Это никуда не годилось. Аня выкрутила лампочку и осмотрела ее. Вроде бы все в порядке. Тогда в чем дело?

– Наверное, надо электрика вызывать...

Маша рассмеялась.

– Я тебе рассказывала, как однажды вызывала кабельщика?

– Кого? – не поняла Аня, погруженная в изучение проводов.

– Ну, кабельщика. Кабель провести для интернета.

– Нет.

«Провода целые... Может быть, просто поменять лампочку?»

– Ну, вызвала я, значит, кабельщика. Он пришел, давай все делать там, что надо. А сам смазливый такой... В маечке, мускулы у него такие и комбинезон, из кармана инструменты торчат...

Аня достала из ящика стола лампу, вкрутила. Ничего не поменялось: свет мигал и прерывался.

– Эротичный весь такой, короче, – продолжала Маша. – Я стою над ним, смотрю, как он там провода свои тянет. А когда он закончил, я пошла дверь за ним закрыть. Иду к выходу впереди него, а сама майку снимаю и роняю по дороге...

«Придется вызывать-таки электрика...»

– Он поднимает, вы уронили, говорит, а глаза такие круглые-круглые. А я не оборачиваюсь и роняю лифчик.

«Частного найти или в ЖЭК позвонить?»

– Случайно, конечно. Тут уже он не выдерживает, бросает свой чемодан с инструментами и прижимается ко мне всем телом...

«Хотя здесь наверняка есть свой персонал».

– Такого охрнительного секса у меня в жизни не было.

«Но частный все-таки будет лучше».

– А знаешь почему?

Аня повернулась к Маше, та рассмеялась и, кривляясь у зеркала, объявила:

– Потому что у меня идеальные губы.

Они засмеялись.

– Ну давай, вызывай своего электрика. Может, интернет

нам заодно проведет. А сама домой иди, отдыхай.

– Ладно, – улыbnулась Аня, – мне действительно за Идой в сад пора. Закроешь мастерскую?

– Ага, – весело откликнулась Маша. – У меня же идеальные губы.

Аня рада, что нашла себе помощницу. И еще она рада, что помощница у нее – не кто-то посторонний, а подруга, родная душа. Машка. Они триста лет друг друга знают. Полгода назад она тоже переехала в Москву, помыкалась – да и к Ане пришла. «Мне, – говорит, – работа твоя нравится. Только ты сама с ней ни фиги не справляешься. Я тебе помогу».

Маша еще Лильку новорожденную на руках держала.

* * *

Аня держит Лилию на руках и носит ее из комнаты в комнату. Лиля маленькая, ей всего полгода, но уже почему-то отчаянно тяжелая, или так только кажется Ане, потому что она носит ее уже очень долго.

– А-а-а... А-а-а...

Кажется, Аня говорит это самой себе, просто чтобы что-то произносить, слышать хоть что-то кроме непрерывного крика. Она уже почти ничего не чувствует – ни рук, ни ног, ни жалости к этому маленькому существу. Жалко было сначала, может быть, первые четыре часа. Сейчас уже не жалко, настало какое-то абсолютное оупение, точка душевного

невозврата. Ей только хочется спать.

Спать, спать... Аня ходит из комнаты в комнату и вспоминает девочку из чеховского рассказа, машинально думая, сколько еще она выдержит, прежде чем положит Лилю на диван и накроет подушкой.

– А-а-а... А-а-а...

Это она уже не напевает, она уже будто подвывает, стонет. Лиля такая тяжелая – и так сильно кричит. Она кричит восьмой час.

У нее, возможно, болит животик. Первые часы Аня бегала с укропной водичкой, отваром ромашки, клизмами, делала массаж. И пела, пела, пела.

– Плыл по океану корабль с названьем гордым, плыл он много дней подряд...¹⁷

Аня снова механически, по привычке, начинает петь, почти не слыша своего голоса. Лиля кричит, выгибается, рвется из пеленок. Аня кладет ее на диван, тупо смотрит.

– Ну что ты плачешь, господи, что ты плачешь...

Аня сама начинает плакать от бессилия и усталости, потом равнодушно встает и выходит из комнаты, наливает чай. Пьет чай. Лиля разрывается в комнате. Аня пьет чай. Она пьет чай очень долго, сосредоточенно, тупо. Возвращается. Лиля хватает ее ртом за сосок, но через две минуты плюет и снова плачет.

– Завяли в вазочке цветы бумажные, ругалась верная твоя

---

¹⁷ Песня на стихи Б. Слуцкого.

жена...¹⁸

Аня знает много, очень много песен, она даже не подозревала, что помнит их так много, но ее репертуара недостаточно, недостаточно терпения, никаких недостаточно слов, никакой не хватает музыки.

– Когда на улице прохладно или жарко, и скачет пони на работу к девяти...¹⁹

Влада нет дома. Его почти никогда нет дома, потому что половину времени он живет у мамы. Работает он в ночную смену, примерно до шести утра, а сейчас уже семь, значит, скоро придет. Он обязательно скоро придет и поможет ей. И тогда она сможет поспать.

– Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома, снова между нами города, взлетные огни аэродрома...²⁰

Наконец в дверях поворачивается ключ – и Аня бросается в прихожую. Слава богу!

– Привет.

– Привет.

У Ани грязные волосы и растянутый сарафан с пятнами молока, на плече пеленка, на пеленке кричащая Лиля – голенькая, со вздутым животом. Она видит папу, на секунду перестает плакать и писается.

– Подержи ее, я переоденусь, – говорит Аня.

---

¹⁸ Песня на стихи Ю. Беломлинской.

¹⁹ Песня С. Никитина на стихи Ю. Мориц.

²⁰ Песня А. Пахмутовой на стихи Н. Добронравова.

– Ну щас, дай я хоть разуюсь.

Аня ждет, пока он снимет ботинки, куртку, помоеет руки. Дает Владу ребенка. Он принимает дочь вытянутыми руками, в его лице смесь отвращения и страха. Аня быстро переодевается. Лилия продолжает заходиться в плаче, и Аня берет ее обратно, несет в ванную, моет.

Влад проходит на кухню, достает из холодильника кастрюлю с супом, накладывает в тарелку, разогревает и ест. В ожидании Аня молча блуждает по комнате.

Наевшись, Влад раскладывает диван – там же, на кухне. После рождения Лили он спит только там.

Аня смотрит, как он стелет простыню.

– Ты поможешь мне? Я очень устала. Она плакала всю ночь.

– Я тоже устал. Я вообще-то с работы, если ты не в курсе.

– Ну хоть пару часов, Влад, ну пожалуйста...

– Нет. Идите уже в комнату.

Он выключил свет и лег.

Аня застыла в дверях, не веря в происходящее.

– Пожалуйста.

Влад отвернулся и с головой накрылся одеялом.

– Да заткни ты уже ребенка! Дай ему сиську, я не знаю.

Аня похолодела. Она застыла, чувствуя, как наливается чем-то белым – но не молоком, чем-то белым и густым, с вкраплениями твердого, похожим на сырую известку. От основания стопы вверх по телу начала расти волна ярости, до-

ходящая до корней волос.

– Ты. Должен. Мне. Помочь, – прошептала она, вплотную приблизившись к дивану.

– Я никому ничего не должен, – ответил Влад.

– Скажи это ей, – произнесла Аня и просто положила Лилю рядом с ним на край дивана.

– Убери ее отсюда, я хочу спать!

Влад заорал, а Лиля вдруг замолчала. Аня посмотрела на нее в замешательстве и взяла – быстро, левой рукой, а правая вдруг перестала подчиняться: ее словно подкинуло вбок, в сторону стоящего у дивана серванта со стеклянными дверцами. Ане казалось, что она просто дотронулась до стекла, но стекло почему-то посыпалось, посыпалось вниз, прямо на диван. Куски стекла летели одновременно, молниеносно, но Аня видела это как в замедленной съемке: длинные острые осколки были похожи на ножи, мелкие были разной формы и осыпались вокруг ровным слоем.

Влад даже не пошевелился, – когда один из ножей упал в трех сантиметрах от его головы.

– Уходи, – тихо сказала Аня.

Он быстро оделся и вышел, не произнеся ни слова.

Аня пошла с Лилей в комнату и дала ей грудь. Лиля неожиданно активно начала тянуть молоко, засопела и вдруг заснула. Заснула и Аня.

Завтра. Завтра она вернется в эту кухню и уберет стекла. Все завтра.

– Знаешь, я почему-то убеждена, что у мужчины должна быть машина.

– Вшыстко. У нас будет вшыстко²¹.

Ян держит Аню под руку, они идут по длинному проспекту, минуя ряды магазинов и кафе со странными, смешными названиями. Местность представляет собой абсолютную равнину, плоскогорье, заселенное зданиями и людьми. До Ани доносятся обрывки чужой речи, и иногда она пытается повторить: вдруг она и правда сможет остаться в этой стране?..

– Недавно я восстановил зрение и теперь могу наконец получить права. – Ян ненадолго задумался. – А следующим этапом будет свой дом.

Аня представила себе этот дом. Он был из белого кирпича, в окружении сосен. Далеко-далеко от всех, в самом тихом месте на Земле.

* * *

– Мам, расскажи сказку.

Уже первый час ночи, но Ида не спит. Она вертится на

---

²¹ Все. У нас все будет (*польск.*).

кровати, потом ложится на спину, а ноги полностью кладет на стену.

– Ида, ну какие сказки? Уже ночь...

Аня сильно устала, в цеху сегодня был полный завал, но Иде все равно, она канючит и тянет Аню за руку.

– Ну мам...

– Ладно. Только короткую.

– Хочу короткую!

– И только одну.

– Хочу одну!

– Ну слушай... Далеко-далеко от всех, в самом тихом месте на Земле, есть лес.

– Волшебный?

– Еще какой волшебный. В том лесу есть большая дорога, длинная-предлинная...

– Волшебная?

– Не перебивай, а то не буду рассказывать. Какая же еще?.. Как-то раз, давным-давно, шел по этому лесу, по этой дороге один человек, молодой воин. Был он силен и прекрасен, и волосы его от рождения были белыми, как снег. Руки его были могучими, глаза – острыми, а сердце – чистым. Шел он уже очень долго...

– А куда он шел?

– Он искал свой дом.

– У него что, целый дом потерялся?

– Да, представляешь, потерялся. Только не дом у него по-

терялся, а сам он потерялся. В лесу этом. А близилась ночь, в лесу просыпались совы и гулко ухали над его головой. Стало человеку страшно, неуютно, и понял он, что сильно-сильно в дороге устал.

Аня протяжно зевнула и продолжила:

– Так сильно человек устал, что подгибались у него колени, простой узел за спиной стал весить словно камень, а глаза сами собой закрывались.

– Мам, ну не спи!

Аня открыла глаза и вздохнула.

– Да вот беда: негде ему было голову преклонить. Не посреди дороги ведь ложиться, в самом деле.

– А почему он не построил себе шалаш?

– Потому что была уже почти ночь и проснулись древние лесные духи, которые карали каждого, кто ломает ветви их кустарников и деревьев. К тому же он еще надеялся успеть попасть домой, пока не совсем стемнело. Человек мечтал о теплой постели, скучал по своей жене и детишкам...

– Ну мама!..

– Не сплю, не сплю... И вот шел этот человек по дороге, и встретила ему развилка.

– Вилка? На дороге?

– Да не вилка, а развилка. Это когда одна дорога превращается в две – раздваивается.

– Как язык у змеи?

Ида страшно зашипела и зачем-то выгнулась кошкой.

– Да. Тихо. И не знал человек, куда пойти ему нужно, какая из тропок приведет его к дому. Остановился он тогда и крепко задумался. И так крепко он задумался, что слетелись на думы его все птицы лесные, сползли к ногам его ящерицы и гады болотные – и зашипели, запели, засвистели. Вдруг смотрит человек – а на развилке пень стоит. Широкий, удобный. Присел тогда на него человек, и в тот же миг опустилось под землю солнце, цветы закрыли бутоны свои, замолкли все птицы и твари лесные. И навалилась на путника нечеловеческая усталость, и подумал он так: «Утро более мудро, чем вечер. Солнце легло спать, прилягу и я...» Приник он к земле, опустил голову на сухую листву, и сомкнулись тяжелые веки его. И он заснул. А тем временем окончательно пробудились совы, и все-все собрались они над той развилкой. Все-все летали они над широким пнем, кружили и хлопали серыми крыльями. Уханье сов разбудило духа древнего пня, отразился он в совиных глазах и стал человеком. Был он силен и прекрасен – и как две капли воды похож на уснувшего путника, не сумевшего справиться со своей усталостью и сомнением. И встал этот пень в человеческом обличье, и ступил на верную дорогу, и вошел в дом воина. Сел у очага его и разулся. И поцеловал пень жену его, и обнял пень детей его. Только был он неласков, и скоро жена воина умерла от тоски, дети же выросли и разъехались, забыв дорогу к несчастному дому.

– А сам человек что, умер?

– Не совсем... С ним было вот что.

Аня села на постели и посмотрела на свои руки.

– Когда пень ожил и ушел, из обрубков его выросли новые молодые ветви и сплели над головой спящего зеленый шатер. Был он прекрасен и душист, по всему зеленому куполу росли большие фиолетовые цветы, и сны человека были сладкими и густыми, как мед. Мед пьянил его, все крепче сковывая веки, все тяжелее связывая руки, все жестче охватывая ноги его. И такой крепкий сон видел этот человек, что превратился в камень.

– Целиком?

– Ну да. Целиком... С первыми лучами солнца наваждение рассеялось – и шатер рассыпался на миллион фиолетовых бабочек и зеленых насекомых, но человек, не сумевший сделать выбор, так и остался лежать камнем.

– Какая грустная сказка, – сказала Ида.

– Не все сказки веселые, дорогая моя. Спи.

– Хорошо.

Ида легла, укрылась, но вдруг вскочила.

– А я не стану камнем во сне?

– Нет, не станешь. Спи.

– А ты?

Аня помолчала, потом взяла ее на руки и стала укачивать пятилетнюю Иду, как совсем маленькую.

Ян коснулся Аниной шеи, и она сразу поплыла куда-то, где ничего не видно и не слышно. Он расстегнул пуговицы на ее кофте, стянул длинную юбку, по одному скатал прозрачные чулки. Аня завела руки за голову, сняла резинку, и волосы закрыли шею. Ян медленно блуждал губами по ее телу, Аня дрожала, ее трясло, и она вцепилась руками в его спину. Ян взял Аню за бедра, просунул ладонь между ног, и ее живот наполнило чистое электричество, которое замкнуло, лопнуло и вылилось горячей жидкостью наружу, на его руки. Он захотел ее так сильно, что готов был ввести в нее не только член, но и бедра, и ягодицы и провалиться в нее, как в похотливое божество, полностью провалиться и исчезнуть, и он действительно проваливался. Она двигалась непрерывно, потом вскрикнула, повалила его на спину и села сверху. Все происходило так быстро, что перед Яном замелькали поочередно живот, соски, родинки, белые стрии²² возле пупка, – словно он ехал в странно движущемся поезде, то набирающем сверхзвуковую скорость, то буксующим и резко останавливающимся. Он вышел из нее и кончил, ненормально дергаясь и отчего-то злясь, а она прижалась к нему, не отпуская и успокаивая. «Ш-ш-ш, ш-ш-ш, я люблю тебя,

---

²² Стрии (от лат. *striae* – полосы) – дефект кожи в виде узких волнистых полос разной ширины, имеющих окрас от белого до красно-фиолетового.

люблю, о господи, как же я тебя люблю».

Аня лежала, закрыв глаза, не шевелясь, раскинув руки. Не открывая глаз, она сказала:

– Я читала, что есть такие капсулы, заполненные водой. Эта вода настолько соленая, что, когда в нее погружается человек, он не может утонуть – это просто физически невозможно. А еще внутри очень темно и тихо, и от этого наступает абсолютное, полное расслабление.

Она открыла глаза и посмотрела на Яна.

– Я сейчас чувствую себя так, словно нахожусь внутри этой капсулы... Дай мне воды, пожалуйста.

Он подал Ане стакан, она осушила его залпом, одним глотком. Он улыбнулся, и Аня вдруг расхохоталась, запрокинув голову, поддавшись волне необъяснимого эйфорического веселья. Ян схватил ее в охапку и сжал изо всех сил. Потом расслабился, но не выпустил ее тела, а стал качать на руках, пока она не заснула.

* * *

Аня сидит в траве, поджав под себя ноги, и держит на коленях картонную книжку-пианино. Ей восемь лет, она играет по нотам, обозначенным разноцветными кружочками, и поет:

– В тра-ве си-дел куз-не-чик, в тра-ве си-дел куз-не-чик...
Маленькая, с острыми худыми коленками, она сама похо-

жа на кузнечика. Аня сидит возле дома, в палисаднике, окруженном низким цветным заборчиком. Мама разбила там клумбу, на которой по очереди цветут то ландыши, то хризантемы.

– Сов-сем как о-гу-ре-чик...

По траве вокруг бегают серый котенок, Пушок. Он гоняется за бабочками и собственным хвостом, иногда подбегая к Ане и мешая ей играть.

– Зе-ле-неньки-и-ий он бы-ы-ыл...

Возле дома растет высокий клен с разлапистыми резными листьями, по которым ползает красная тля. Иногда Аня ловит тлю и давит между пальцами, потому что мама говорит, что это – вредитель, и тогда на пальцах остается маленький красный кружочек.

В окне виден силуэт папы, склонившегося над столом. Папа занят – он делает чертежи. У него таких чертежей целая тетрадь, но ему почему-то надо еще, и он чертит все свободное время, не отрываясь.

– Представь-те-се-бе-представь-те-се-бе-е, и-ы-ы с му-хами-и-ы дру-у-ужи-ыл...

Папа собирается строить дом, и строительство уже скоро начнется. Сначала папа вместе с соседом дядь-Славой-алкашом, как называет его мама, сделает большой ров вокруг их деревянного дома. Тогда в ров запустят котенка, где он будет прыгать и копать лапами землю, а папа поймает мышку, и тоже запустит ее в ров. Пушок испугается ее, станет убегать,

и будет очень смешно, что такой большой котенок испугался такой маленькой мышки.

У них уже был раньше котенок, но ему имени дать не успели – его в первый же вечер задавила во сне старшая Анина сестра, Светка. Проснувшись, Светка разревелась, разревелась и Аня, а папа забрал мертвого котенка и унес куда-то.

– Но во-о-от при-и-ышла-а-а ля-а-гу-у-у-ушка-а-а-а...

Еще у них есть собака Джерка. Через пару лет она родит на радость Ане и Светке щенка, рябую сучку Майку. Аня будет ее очень любить, но однажды Майка побежит за Аней, когда та соберется в школу, а Аня не заметит. И, перейдя дорогу, услышит за спиной крики и визг щенка, обернется и увидит, что машины остановились, а Майка лежит на дороге в луже крови. Аня подойдет, а Майка мертвая. Захлебываясь плачем, она побежит за папой, он придет, строго скажет Ане идти в школу, и она пойдет, повернется и пойдет, но потом остановится, оглянется и увидит, как папа несет через дорогу на руках тело Майки, и на асфальт часто-часто падают мелкие красные капли. В школе одноклассница Лена отдаст Ане все конфеты, но она все равно будет плакать на всех уроках еще несколько дней.

– И съе-е-е-ела-а-а кузне-е-е-ца-а-а-а!..

Но пока Ане восемь, она сидит на траве, поджав под себя ноги, и играет на ненастоящем пианино. Ей нравится петь в палисаднике, потому что дома петь не дает Светка. Стоит Ане раскрыть рот, как Светка тут же кричит из любого угла

дома:

– Анька, заткнись!

В палисаднике никто на Аню не кричит и никто не просит ее заткнуться.

Когда ров заливают жидким цементом, в него залезет котенок. Папа достанет его, и они с мамой будут долго-долго вымывать цемент из серой шерсти, смеясь, какой у них Пушок дурачок. Но они его, конечно, все равно любят, хоть он и дурачок. Зато смешной: ест свежие огурцы, помидоры и просто обожает вареные яйца. Мутузит с ревом это яйцо по полу, будто оно ему главный в жизни враг, а потом ест, урча. Можно подумать, что это кусок сырого мяса, а не яйцо.

– Представь-те-се-бе-представь-те-се-бе-е...

Он вырастет в огромного серого кота, который однажды зимой выйдет гулять и не вернется, а папа вынет его через неделю из сугроба и куда-то понесет.

Но это тоже будет потом.

Почти что никогда.

А дом папа достроит. К этому моменту Джерка уже умрет от старости, будучи почти совсем слепой, а старый клен сожрет красная тля. Аня уедет учиться в Москву, не дождавшись окончания строительства, а мама, устав от хозяйства, скажет, что ей не нужен дом. Она, как и Светка, захочет жить в квартире, и дом продадут, а папа сразу же как-то осунется и поседеет.

– В тра-а-а-а-ве-е-е-е-е...

Спящей тридцатилетней Ане жаль этого дома, хоть возле него не было ни сосен, ни тишины. И кирпич, из которого он был построен, – красного цвета.

Но – не в его ли стенах появилась первая трещина?

– 9 –

Электрик сильно опаздывал. Аня выкладывала витраж, включив подсветку стола, но этого было недостаточно – без окон все равно темно. Она напрягала зрение и раздражалась. Когда Аня уже готова была в третий раз позвонить, электрик наконец явился сам.

– Здравствуйте, вызывали?

– Вызывали.

Аня оценивающе посмотрела на него. Взгляд был совершенно мимолетным, на ее лице не промелькнуло ни одной эмоции, но внутренне она усмехнулась, потому что электрик был красавчиком, и Аня вспомнила Машину историю. Она мельком глянула в зеркало, проверяя, достаточно ли идеальные у нее губы, и на секунду представила, что оба они голые. Условно голый электрик представился Петром.

– Так, Петр, смотрите. Вот эта лампа живет собственной жизнью, а меня это не устраивает. Сможете что-нибудь сделать?

– Посмотрим, – сказал Петр и полез на стремянку.

Он стал копаться в проводах. Аня не смотрела, вернулась

к работе.

– Это вы, что ли, витражи делаете? – спросил Петр.

– Я, – сказала Аня.

– А вам монтажник не нужен, случайно? Я в этой сфере десять лет работал, пока нашу контору не прикрыли.

Аня обомлела.

– Вообще-то нужен... Кофе хотите?

– Да, можно. Все, тут готово. Включайте.

– Ну и прекрасно, спасибо большое. Сколько я вам должна?

Аня рассчиталась и налила кофе.

– Вы знаете, у меня как раз заказ такой... Сложный... Я даже не знаю, может быть, вы мне и смонтировать поможете, и вообще подскажите, как лучше сделать. У меня такого еще не было.

– А чего там?

Аня внимательно посмотрела на него. У него были светлые короткие волосы, смазливая мордашка, одет он был нормально. Не слишком молодой, не слишком старый. Все в порядке, только взгляд...

– Там... Знаете, надо сделать как бы навершия для колонн, типа плафонов, но не плафоны... Даже не знаю, как объяснить.

Аня даже не понимала, что в этом взгляде не так. Точнее, что более всего – не так. Там сквозили насмешливость и какое-то превосходство, что ли. А еще, если Аня только на се-

кунду представила, что они голые, то для Петра они были голыми до сих пор, и он даже не пытался этого скрывать.

Когда Ане было четырнадцать, она впервые поймала на себе такой взгляд в троллейбусе. Она стояла и смотрела в окно, держась за поручни, как вдруг почувствовала что-то неприятное, какую-то потенциальную, но не очень понятную опасность. На ней был сарафан на бретелях и сандалии, ничего особенного, но она была без лифчика, она почти всегда ходила без лифчика, если это было возможно, — не любила она лифчики. А грудь у нее уже была, причем совсем недавно, и она к ней еще не привыкла, еще не понимая, что становится Объектом. Вот была-была себе девочка, раз — и она уже Объект. Объект похоти.

Аня обернулась и увидела мужчину, который смотрел на нее в упор, медленно блуждая глазами по ее телу. Он ощупывал по очереди левую и правую груди, вернулся к лицу, перешел на живот и уперся глазами в паховую область. Ане стало плохо. Ее сильно затошнило, потемнело в глазах. Она выскочила на следующей остановке, но до этого долго, бесконечно долго стояла, пожираемая этим взглядом, чувствуя на своем теле что-то настолько отвратительное, будто смотрящий сначала насрал на соседнее кресло, потом засунул руку в свое дерьмо, обе руки, а потом стал беспорядочно лапать ее.

Потом она, конечно, привыкла. Насколько это вообще возможно — привыкнуть, что незнакомый тебе мужик сни-

мает штаны, срет на соседнее кресло, а потом размазывает свое дерьмо по твоей груди.

Но Ане действительно нужен был монтажник.

– А вы нарисуйте, – сказал он, и Аня явственно ощутила в воздухе запах мужского дерьма.

* * *

Как-то раз родители отправили Аню в лагерь. Ей было лет двенадцать, наверное, или около того. Папе дали на заводе бесплатную путевку, вот ее и отправили. А детей было как-то очень много, все отряды переполнены, и Аню запихали к старшим, шестнадцати-семнадцатилетним.

Лагерь располагался в сосновом лесу, и само место было замечательным. Дети жили в маленьких деревянных домиках, в которых было холодно по ночам, а днем – полно комарья. Все удобства на улице, а туалеты – грязные и зловонные.

Аня как-то незаметно влилась в компанию, хотя и была самой мелкой. Ее не обижали, напротив, она жила на каких-то привилегированных условиях. Может быть, потому что нравилась одному из мальчиков в этом отряде.

Однажды на дискотеке этот мальчик пригласил ее танцевать. Подошел к ней, жутко стесняясь, хотя был таким взрослым, и протянул ей руку. Дискотека была на улице, на концертной площадке, где проходили все мероприятия лагеря. Территория площадки обозначалась цветными флажка-

ми. Все веселились, старшаки успели где-то найти бутылку, украдкой глотали из нее и ржали. Мальчики курили за туалетом. Было даже какое-то подобие цветомузыки. И песни играли такие...

Аня даже в тридцать все еще помнила эту песню – две ладошки, какие-то кошки, а за окошком – ночь.

И вот играет эта песня, подходит к Ане мальчик и протягивает ей руку. Ане хочется потанцевать, ей лестно, что на нее обратили внимание, но у нее сильно шатается зуб. Она сидит с рукой во рту и шатает этот зуб. И говорит:

– Я не могу, видишь? У меня зуб шатается.

Мальчик удивился и отошел, а Аня внезапно поняла, что совсем не хотела танцевать. Она дернула зуб и выплюнула его на пыльную дорожку под ноги танцующим. И пошла спать. Аня спала на удобной кровати – такие кровати были не у всех. Потому что она была там самой маленькой и нравилась мальчику. В общем, ей повезло.

А в другом отряде – в самом младшем – была другая девочка. Она была примерно Анина ровесница, и с ней произошло то же самое, только ровно наоборот – ее запихали к младшим. Она, такая рыжая-рыжая, очень худая, никогда не улыбалась и ни с кем не играла. Может быть, она была из детдома, но точно никто не знал. И ей не повезло.

Ее невзлюбили.

Ее невзлюбили все. Кажется, даже вожатые.

Однажды вечером играли на площадке в мяч. Там были

разновозрастные дети из разных отрядов, которые просто спонтанно сбились в кучу. И кто-то из мальчишек очень высоко забросил мяч, и мяч полетел куда-то далеко, в сторону туалетов, и влетел в одну из раскрытых дверей. Точнее – в единственную незакрытую дверь. И послышалось такое смачное «чав».

Все замерли, а один из пацанов заржал:

– Че, кто пойдет мяч из говна доставать?

Желающих, понятно, не было.

– Серый, ну ты закинул, тебе и лезть, га-а-а. Директор вчера говорил, что другого мяча не даст.

Серый сплюнул себе под ноги и огляделся.

– На хер пошел. Ща я найду, кто достанет.

Он огляделся и увидел, что на трибуне сидит рыжая девочка. Никто даже не знал, как ее зовут, никому никогда и в голову не приходило поинтересоваться.

– Э, мелкая, – крикнул ей Серый. – Ты-ты. Поди сюда.

Девочка не осмелилась возражать.

– Слушай, у нас мячик упал, можешь достать?

Девочка пожала плечами и пролепетала:

– Наверное...

Аня стояла рядом. Она уже поняла, что происходит, но даже не собиралась вмешиваться. Было неприятно, но «ее компания» так решила. Все. А она тут вообще ни при чем. Не она же мяч бросила.

– Молодец, уважаешь старших! – Серый расплылся в

улыбке. – Сортир видишь?

Девочка посмотрела на него со страхом и непониманием.

– Там мячик в дырку упал. Достанешь?

Девочка медленно помотала головой. Серый угрожающе навис над ней.

– Ну ты же такая добрая, хорошая девочка, а нам нужна помощь. И ты нам поможешь, – процедил он сквозь зубы.

Аня смотрит на них. Из открытой двери туалета доносится омерзительный запах. Она тут ни при чем. Это они решили. Это не она бросила мяч.

Девочка сделала шаг назад. Позади стоящие сделали шаг вперед. Она была окружена. И Аня оказалась в этом кругу.

Это не она бросила мяч. Не она бросила. Не она.

– Да ладно тебе, не бойсь, я тебя за ноги подержу.

Он грубо взял ее за руку и потащил в сторону туалета. Девочка не пыталась сопротивляться. Все молча последовали за ними.

– Залазь, – приказал Серый.

Девочка последний раз обернулась, оглядывая десяток разных лиц, ища поддержки, еще надеясь на спасение. Никто не хотел встречаться с ней глазами. Аня разглядывала свои кроссовки. Это не она бросила мяч.

Они вошли. Девочка легла на живот, Серый обхватил ее за лодыжки и начал толкать вперед.

– Видишь мяч?

– Да, – отозвалась девочка.

– Тащи.

Было видно, что там, внизу, происходит какая-то борьба. Мяч, вероятно, скользкий, и достать его не так просто.

– Ну давай быстрее, мелочь, я тут блевану щас на тебя прямо!

И она смогла.

Она стояла перед десятком детей, опустив голову. У нее в руках был грязный, вонючий мяч, с которого на дорожку капали коричневые капли.

– Фу-у-у, ну и вонь! – Серый подавил рвотный рефлекс. – Иди давай, отмывай его, а потом принесешь. Только мой как следует, а то облизовать заставлю. Все, молодец, шуруй.

Девочка пошла по дороге, вперед, глядя себе под ноги. Руки у нее были по локоть грязными.

Аня смотрела на нее и впервые в жизни чувствовала себя сукой. Хотя это не она бросила мяч. Не она. Но сукой была именно она.

* * *

Аня набросала на листе бумаги условный чертеж.

– Вот, смотрите...

– Может быть, на «ты»? – улыбнулся Петр.

Аня посмотрела на него и кивнула.

– Это коттедж в Подмосковье. Там на потолке витраж «тиффани» в большой гостиной. А еще там есть две здоро-

вые колонны, и хозяева хотят сделать сверху такие как бы «шапки» витражные, повторяющие рисунок витража на потолке. Я могу-то сделать что угодно, но тут непонятно, какое взять стекло, как его гнуть и монтировать.

Аня встала и начала ходить по мастерской.

– Я вижу здесь два пути. Можно заказать моллированное стекло, гнутое в смысле, это было бы оптимально, но для этого нужно сделать идеально точный шаблон. И стоять это будет дорого. И слишком высоки риски. Вы... Ты куришь?

Они оделись и вышли на улицу покурить.

– Второй вариант. – Аня прикурила, втянула и выпустила дым. – Взять акриловое стекло. Это проще и меньше рисков. Но... Как его гнуть?

– Строительным феном. Есть сигаретка?

– Да, держи... А ты сможешь?

– Я вообще все могу. – Петр улыбнулся и выпустил дым через нос. – Посмотреть надо.

Аня кивнула.

– Разумеется. Я еду туда завтра. В десять.

– Хорошо, я свободен.

– Только не опаздывай, пожалуйста. И возьми сразу все, что нужно для замеров.

– Ага.

Петр щелчком сбил тлеющий кончик сигареты и забросил окурок в кусты.

Аня помнит, как впервые почувствовала себя старой.

Ей было восемнадцать, совсем недавно родилась Лиля. Аня стояла над раковиной и мыла посуду. Все было в порядке, просто она стояла над раковиной, мыла посуду и чувствовала себя старой.

В тридцать она чувствует себя моложе. Но тогда она застыла с желтой чашкой, чуть потрескавшейся изнутри, чувствуя себя не просто старой женщиной, нет, – она чувствовала себя каким-то старым предметом, вроде этой чашки, только желтее и старше, с такими же черными трещинками под кожей. Из нее, словно из этой чашки, бесконечно что-то пили – чай, кофе, воду, вино, водку, спирт, суп, кровь, сок – и никогда не отмывали после использования до конца.

Ей хотелось взять эту чашку и долго стучать об кафель над раковиной, пока трещинки не обратятся в стеклянную крошку, а руки – в мясо.

Аня взяла губку и с усилием провела по желтой чашке. Потом по красной. Потом по зеленой. Потом взяла тарелку.

Аня вспомнила, как в детстве мама сделала ей замечание, что она плохо моет вилки. Говорит – у сестры поучись. Тогда Аня подошла к Светке, думая, что там какой-то секрет. Но секрета не было: Светка просто очень тщательно мыла между зубчиками.

Нет никакого секрета, Аня.
Ты просто должна стараться.

* * *

Может быть, эта трещина содержалась в стекле изначально? Может, она была заложена в нем еще до выплавки, на этапе проектирования, на черно-белом макете, отданном в производство, – в виде случайно вкравшейся ошибки? Или – не сама трещина, но какая-то заведомая слабость, которая неизбежно проявилась в тот момент, когда Аня увидела стекло прислоненным к стене и включила музыку, напомнившую про Яна.

Аня не могла этого знать. Она знала одно: трещина начала расти, когда они с Яном стали переписываться. Потому что именно переписка положила начало дальнейшим событиям. Но – могла ли она удержаться от ответа?..

– На одной руке – серебряное кольцо, на другой – серебряный браслет. «Как же сделать, чтоб всем было хорошо...»²³

Аня сидит и смотрит в одну точку. Потом переводит взгляд обратно на монитор и начинает писать.

– Опять не могу спать. Это и правда уже на износ... Выпила полкружки валерьянки и все равно не сплю... Наверное, ты принимаешь решение.

---

²³ Песня Янки Дягилевой.

На улице начался сильный дождь. Аня встала у окна, глядя, как по лужам прыгают пузырчатые капли, и слушая, как шумно гремит водосток вдоль ее дома.

Ян дергает ее за рукав, а она стоит, не в силах сдвинуться с места, не в силах смотреть и слышать. Ее руки приросли к лицу, как стеклянная крышка, и сквозь нее доносятся его слова:

– Ты разрушаешь муй щвят²⁴. Создашь ли ты новый? И что будет с осколками?

Слова стучат по глазам молотком, пробивая стеклянную крышку ладоней, и крышка взрывается. Губы саднит, во рту привкус металла. Аня сглатывает розовую слюну и говорит:

– Однажды мне приснился сон. Еще в детстве. Как будто напротив дома, в котором я жила, был еще один дом. Он стоял близко, почти окна в окна, и я иногда останавливалась и смотрела, как напротив течет жизнь.

Дождь на улице перешел в ливень. Вода стояла твердой стеной. Где-то за ней сверкнула молния. Аня помолчала, вспоминая, и продолжила:

– Там были люди. Очень много людей. В каждом окне я видела силуэты – живые, яркие. Были окошки кухонь, где женщины накрывали на стол, а потом вся семья ужинала вместе, и было видно, как им хорошо. Были окошки спален, где пары занимались любовью. Были детские, где папы читали книжку, держа малышей на руках... Были комнаты, где

---

²⁴ Мир (польск.).

лежали одинокие старики или сидели над тетрадами молодые люди. Везде была жизнь. В каждом окне. Даже в тех, где старики умирали... Как бы тебе объяснить? Их умирание было наполнено жизнью...

Под окнами пробежал человек, держа над головой какую-то коробку. Добежав до угла, он поскользнулся и упал в лужу, вскинул руки, уронил коробку. Встал, повертел ее, бросил на мокрую землю – и пошел уже медленно, больше не боясь промокнуть.

– Так вот... Как-то раз во сне я, как обычно, стояла и смотрела в эти окна. И вдруг явственно увидела, что у подножия дома сдвинулся в сторону фундамент.

Аня замолчала снова, чужие буквы застревали внутри мелкими осколками и не то что царапали – они вживались в слизистую рта, как паразиты вживаются в ткани брюшной полости.

– Все происходило покадрово, как в замедленной съемке. Сначала сдвинулся фундамент, будто шагнув в сторону. А потом... Потом дом начал медленно разрушаться. От стен начали отваливаться целые куски – обломки кирпичей, пласты штукатурки, напололам переломился водосточный желоб и упал. На самом деле все происходило очень быстро... И, что самое страшное, – очень тихо. Помню, как я замерла, не веря своим глазам, с ужасом осознавая, что там же люди, люди, понимаешь? – живые люди! Те самые люди, которых я видела каждый день. Те самые, которые пили чай, целова-

лись, ссорились, читали, жили, умирали... Умирали теперь все. В эту самую секунду. И они даже не кричали. И дом не кричал – просто сложился, как карточный домик, пополам, а потом рассыпался в смесь кирпича, стекла и бетона, похоронив под собой всех разом. А я стояла и смотрела. Стояла и смотрела...

Зеленый кружочек вокруг фото погас. Аня закрыла глаза.

– Потом у сна было продолжение. Как будто прошло несколько месяцев, и я прохожу мимо этого – бывшего – дома по улице и наблюдаю новое строительство. Там куча рабочих в касках, и экскаватор грузит шлакоблоки, а я смотрю и отчего-то знаю, что всех этих людей не достали тогда изнутри. Не попытались спасти. Про них просто забыли, и они остались лежать там, под новым слоем бетона, похороненные живо. А новый дом строится на их костях.

Ян вернулся в сеть и написал:

– Аня, будет много горя.

Дождь заканчивался. Аня сжала кулаки, вжимая ногти в кожу.

– Я не могу докричаться до всех этих людей. Там стекла. Они меня не видят и не слышат...

Аня вернулась за стол и быстро написала:

– Я вижу, что происходит страшная драма, но другая драма, скажи мне, – не страшнее?.. Ты ее хоть любишь?

– Она проснулась и стала похожа на себя прежнюю.

– Ну, возможно, мне была отведена очень простая роль –

пробудить твою спящую царевну.

– Простая?.. Духи охотнее всего идут на запах крови, это знает любой шаман.

* * *

– Наташ, ты с нами поедешь?

Аня собрала образцы пленок и ленты и распечатала договор в двух экземплярах. Петр опаздывал, и она заметно нервничала.

– Не, дорогая, я лучше еще потренируюсь.

– Хорошо. Тренируйся. В любом деле...

– Помню-помню. Тридцать лет. Можно, я сегодня ограничусь пятью часами?

Аня улыбнулась.

– Конечно.

Позвонил Петр.

– Привет. Поехали.

Ехать нужно было далеко и долго. До нового коттеджного поселка, который назывался «Черничные поля».

В большом претенциозном коттедже шел ремонт. Аню и Петра провели в светлую залу, где мраморные колонны и камин еще накрывал полиэтилен, потому что кругом сверлили, красили и клеили.

– А там у вас зимний сад?

– Да, будет. Его можно потом тоже витражом оформить.

– С факетами будет великолепно.

– Да, а еще в одном из туалетов мы хотим стеклянный пол.

– Витражный?

– Ну да.

Аня приподняла брови и сказала:

– Что ж, давайте для начала попробуем сделать ваши колонны.

– Давайте.

Аня разложила образцы, а Петр залез на леса, оглядывая конструкцию.

– Вот эти цвета хорошо будут.

– И эту ленту советую.

– Да, давайте. Сможем быстро сделать? У нас, как обычно, сроки вчера.

– Постараемся.

Хозяева вышли.

– Ну, что ты скажешь?

Петр спустился с лесов.

– В принципе, можно спокойно сделать жесткий шаблон и по нему моллированное стекло заказать.

– Думаешь, получится?

– Думаю, да.

– Сколько за работу возьмешь?

Петр постоял, прикидывая, и озвучил цену.

«Так мало? – удивилась Аня. – Почему?»

– Хорошо.

Вернулись хозяева. Аня назвала общую стоимость, заполнила договор.

Клиенты подписывали, вводили паспортные данные, Аню же не отпускало странное беспокойство. Все было в порядке, она понимала работу и возможность исполнения, и все же что-то было не так.

– Вот здесь еще подпишите.

Да, Петр, конечно, был не слишком пунктуален, и взгляд у него был неприятным, но он был профессионалом, и... И кроме него, никого не было, а где и как искать – Аня не знала.

– И здесь, пожалуйста.

Аня убрала часть денег в кошелек, часть отдала Петру. Заказ был хорошим. Сумма приличная. После ее получения, да еще с учетом работы в цеху, да с помощью Маши – Аня сможет наконец открыть новую мастерскую, попросторнее.

Она была в этом уверена.

* * *

Ане восемнадцать, она стоит над раковиной и моет посуду. Совсем недавно родилась Лиля, не прошло еще месяца. К ее уху наклоняется Влад и ловит губами мочку.

– Влад, ну пожалуйста... – Аня досадливо отворачивается.

– Ну а когда уже, когда?

– Подожди еще немного. У меня пока все болит.

Влад роет носом ее шею, одновременно задирая юбку.

– Влад, не надо...

Руки у Ани в пене от средства для мытья посуды, она не удерживает тарелку, и тарелка со стуком падает в раковину. Аня поднимает ее.

– Фух, не разбилась... Влад!

Одной рукой он тянет вниз ее трусы, а другой расстегивает ремень на брюках.

– Быстрее, пока она спит...

– Но я не хочу! – Аня пытается вернуть трусы на место, но Влад уже расправился с ремнем и не позволяет ей сделать этого.

– А я хочу. Что тебе стоит? Полежишь немного, отдохнешь...

– Нельзя еще. Врачи сказали...

– Да кому ты веришь! Давай же...

– Влад...

Он тянет ее за руку в сторону дивана. Аня какое-то время устало борется, потом ей становится все равно, и она идет. Ложится. Влад быстро целует ее в губы, при этом снимая штаны и отпινывая их с кровати. Она больше не сопротивляется, но войти в нее он не может. Коротко матерится, встает, выходит и возвращается с маленьким красным тюбиком. Выдавливает из тюбика на ладонь и одним движением, словно намазывая масло на хлеб ножом, проводит ей между ног, немедленно проникая внутрь. Пыхтит над ней сверху,

но недолго, встает, бросает ей на живот кухонное полотенце. Аня лежит какое-то время молча, глядя в потолок. Все происходит тут же, на кухне, и Аня скоро встает, одевается и начинает мыть посуду, потом просыпается Лиля, Аня хочет вытереть мокрые руки, но полотенца нет. Она сначала мечется в поисках полотенца, потом вспоминает, морщится, вытирает руки об сарафан и идет к ребенку.

Влад сидит за компьютером и что-то смотрит. Ей все равно что.

Ночью он снова пристаёт к ней, и она идет на диван. Уже даже не целуя, он деловито смазывает ее изнутри и начинает, а потом кончает, а потом наступает новый день, и все повторяется, и снова, и скоро ей уже не больно. Она ничего больше не чувствует и смотрит в стену или в потолок, в зависимости от того, сверху она, или снизу, или лежит на боку. Часто Влад разворачивает ее тело как-то неестественно, и Аня недоумевает. «Всегда должно быть немного неудобно, – громким шепотом говорит он ей в ухо, – или немного больно, иначе нам надоест. Любовь боится скуки».

Аня верит, потому что ничего не чувствует. Она лежит, все так же глядя в потолок, и спокойно думает, что приготовить завтра на обед. Она ничего не чувствует еще год. Потом это как-то сглаживается, забывается, в ней снова медленно нарастает нежность, и она уже начинает тянуться к нему сама. И однажды говорит Владу:

– Поцелуй меня в живот.

Он прекращает возиться с ее лифчиком и недоуменно смотрит на нее.

– А зачем?..

И она начинает смеяться.

Она смеется, запрокинув голову, смеется так громко, что просыпается Лиля. Влад начинает обиженно одеваться. Аня тоже одевается, все так же смеясь, встает и идет, продолжая громко смеяться.

– А кто это у нас тут проснулся? Веселая девочка проснулась! Ну иди к маме на ручки, иди, мой золотой!

– 11 –

– А что такое «каганат Тишина»?

Аня привстает на локте и смотрит на Яна, затаив дыхание. Он тоже смотрит на нее. В глазах удивление и испуг.

– Откуда ты знаешь?..

– Ты как-то упоминал... Но подробностей не рассказывал. И я все думала, что это... Пыталась даже гуглить...

Ян улыбнулся.

– Но ничего не нашла и оставила эту идею. А сейчас вдруг вспомнила.

Они лежат на диване в съемной квартире. Диван вообще огромный, если его разложить, но они не стали тратить на это время, поэтому места маловато, но им все равно. Они лежат в обнимку, тесно прижавшись друг к другу.

– Я нигде не нашла упоминания об этом месте. Где оно?

– Он не истнее²⁵.

Глаза Ани выражают недоумение. Ян улыбается и отводит прядь от ее лица.

– Я его выдумал. Чтобы иногда уходить туда. Когда мне плохо.

– А... какое оно?

– Ну... Так как это каганат, то, конечно, там в основном степи. Но при этом много холмов, лесов и скалистых гор. Что-то среднее между Монголией и Уралом.

– Красиво, наверное...

– Бардзо²⁶. Очень красиво.

– Хотя я не была ни там, ни там.

Ян садится на постели, сажает Аню к себе на колени и рассказывает:

– Представь себе степь с высокой-высокой травой. Местами сочно-зеленой, местами – с золотым отливом. Повсюду и часто растут сильные, красивые цветы.

– А какие?

Аня сидит у него на коленях, как маленькая девочка, слушающая сказку.

– Ружнэ²⁷. Тюльпаны, астры, пионы, ландыши...

– А огоньки есть?

---

²⁵ Его не существует (*польск.*).

²⁶ Очень (*польск.*).

²⁷ Разные (*польск.*).

– И огоньки есть. Ружнэ²⁸. И по этой степи свободно гуляют лошади и олени. Солнце там никогда не жарит слишком сильно, поэтому они гуляют целыми днями, иногда только спускаясь к водопою.

– К реке?

– К реке. Река там широкая и совершенно прозрачная, сквозь которую просвечивает дно, усыпанное камнями, среди которых минералы и самоцветы, кораллы и жемчужные раковины. И воды ее полны жизни: туда-сюда снуют рыбы и разные подводные твари, которые обычно обитают не только в реках. Там вообще водоемов полно. Холодные ручьи в горах, водопады и озера. Все они очень чистые и холодные. И все каких-то необыкновенных цветов, каждый водоем – своего, потому что в каждом собственная жизнь...

Ян замолкает на какое-то время, глядя куда-то вверх, а потом говорит:

– Там так красиво, что я хожу и плачу. От красоты.

– Есть от чего...

– А еще там скалы. Когда я зол, я цепляюсь за уступы и лезу вверх, иногда несколько дней подряд... Пока злость не уйдет.

– И злость уходит?

– Завшэ²⁹. Там особого рода воздух. Такой, что, когда появляется человек, несущий в себе злобу и гордыню, сам со-

---

²⁸ Всякие есть (польск.).

²⁹ Всегда (польск.).

бой образуется воздушный поток, мощный ветер, вырывающий из рук человека зло и скидывающий это зло вниз, со скал. Поэтому внизу, у их подножия, растут колючие кустарники и ядовитые растения, и спускаться туда небезопасно. Это вообще возможно только в одном случае – если ты хочешь спасти чью-то жизнь.

Ян целует Аню в макушку, потом захватывает ее волосы в горсть и медленно рассыпает.

– А если появляется человек, не желающий расставаться со своей злобой и гордыней, тогда ветры не могут вырвать их из рук. Человек так крепко держится за привычные чувства, что предпочитает упасть самому, но не отдать то, к чему так привык.

– И разбивается?..

– Овшэм³⁰. И питает собой ядовитые растения.

– Жестоко...

– Там много своих жестоких законов. И людей, в общем-то, довольно много. Каждый занят своим делом, каждый точно знает, чем он должен заниматься именно сейчас. Всегда знает. Люди почти не пересекаются, только ради конкретного дела. И все дела там вершатся в абсолютной тишине.

Ян помолчал. Аня укрыла ему плечи одеялом и стала водить руками по его груди.

– Ты хочешь запомнить меня на ощупь? – спросил он с

---

³⁰ Конечно (*польск.*).

улыбкой.

– Нет. Просто люблюсь.

Ян поднял Анино лицо за подбородок, делая его на одном уровне со своим, внимательно посмотрел на нее, а потом лег, привлекая к себе.

– Моя главная беда – в том, что я вру. В каганате Тишина я честен и прям, як стшала³¹. Чистый и мощны³². Там все всегда молчат, потому и соврать невозможно. А кто скажет слово – умрет страшной смертью.

В квартире было очень тихо, только где-то на кухне тикали часы.

– А еще там нет женщин. Поэтому всегда все просто и понятно.

Аня слегка приподнялась и сказала, глядя Яну в глаза:

– Прости. Но теперь есть.

* * *

– Мамочки, какой у вас красивый кот!

Маша протянула руки к Пуху, но он немедленно спрыгнул с кухонного диванчика и убежал.

Аня с Владом не так давно переехали в новую квартиру, двухкомнатную, и надеялись в скором времени сделать ремонт. У девочек теперь была отдельная комната, а у них –

---

³¹ Стрела (*польск.*).

³² Сильный (*польск.*).

спальня. Кухня наконец-то стала просто кухней, и диван, который стоял в ней, был именно кухонным. Маленький, обтянутый зеленым дерматином, он вмещал только двоих. Причем взрослым было на нем довольно тесно, только дети могли разместиться свободно – если там не было Пуха, который любил это место и разваливался на все сиденье.

Пух был огромным и очень пушистым. Всего за пару лет он вырос из крошечного голубоватого котенка, подобранного на улице, в кипучую серую массу весом в восемь килограммов. В каждом госте он вызывал подобострастное восхищение, и каждого предупреждали:

– Это Пух, и лучше его не трогать, он не ручной.

А гости такие:

– Ах, Пух!

Поэтому Аня иногда в шутку звала его Ахпухом, порой спонтанно сокращая до Апуха.

– Он совсем не ручной, – развела руками Аня.

– Ха, это его не портит, – констатировала Маша.

– Кися!

– Ида, не трогай кисю. Картошку будешь?

Аня раскладывала еду по тарелкам.

– Снял твой Петр шаблон?

– Да, а теперь предлагает отметить. Вот и познакомитесь.

– Ну, отмечать я никогда не против, ты же знаешь, – улыбнулась Маша.

– Тогда приходи в мастерскую завтра вечером. Влад, смо-

жешь завтра с Идой посидеть?

Влад приподнял одно ухо наушников.

– Чего?..

– У нас завтра корпоратив. Посидишь с Идой вечером пару часов?

– Ага.

– Пасиб! – И Аня послала мужу воздушный поцелуй.

* * *

Когда Аня была беременна Идой, перед родами никак не удавалось заснуть. Живот был таким огромным, что никак не получалось устроиться поудобнее, несмотря на кучу подушек вокруг.

Влад ложился очень поздно, а потом долго спал, иногда до трех часов дня. Аня старалась не обращать на это внимания, ей просто хотелось тепла и покоя. Решение не делать аборт было идентично решению остаться с мужем – хотя они еще и не были расписаны. И раз уж она решила все ему простить, то и пожениться по-настоящему тоже было нужно. Да и Влад убедил ее, что любит, что все наладится и надо попробовать еще раз, сначала. Правда, пока ничего не менялось, и по вечерам Аня бродила мимо Влада ноющей тенью.

– Посиди со мной... Посиди со мной...

Он вставал из-за компьютера и садился рядом на кровать, чтобы совершить ритуал: погладить Аню по животу, прило-

жить ухо, поцеловать ее в лоб, сказать: «Ну, все?» – и вернуться за компьютер.

Когда Влад наконец лег лицом к стене, Аня обнимала его со спины, насколько позволял живот. Ей приходилось почти согнуться пополам, чтобы уткнуться носом в его макушку. Он спал, и она не хотела его будить: спящий Влад казался мужественным, красивым и любящим, поэтому Аня старалась дышать как можно медленнее и тише. Из-за этого дыхание сбивалось и становилось прерывистым, получалось только громче, и Аня тяжело, неуклюже переворачивалась, досадуя на себя. И тогда просто прижималась к нему поясницей, и спине становилось тепло, хорошо, хорошо становилось и Ане, и она наконец засыпала.

По ее животу змеились синеватые растяжки, страшно зудя. По центру уродливым наростом громоздился купол коричневого от пигментации пупка. Хорошо, что свадьба будет только после родов, ведь Аня хотела быть красивой невестой.

– 12 –

– Маш, да чего ты так нервничаешь? Он вообще всегда опаздывает.

Аня расставляла на стеклянном столе закуски. Маша красила губы.

– Так нормально?

– Еще бы не нормально, ты же час их красила! О, вот он звонит.

Маша была отчего-то непривычно розовой.

– Блин, да гормоны у тебя, что ли, разыгрались? Или ты выпила уже?

– Чуть-чуть.

Дверь открылась, на пороге возник Петр. Он был в белой рубашке и узких джинсах, и Аня сразу увидела, как Маша окончательно уплывает и машет на прощание ручкой.

– Я вина принес.

– Это ты молодец, – похвалила его Аня и, спохватившись, сказала:

– Это Маша, моя боевая подруга. Маша, это Петр.

– Очень приятно, – улыбнулась Маша.

– Очень взаимно, – поцеловал ей руку Петр.

– Кхм, – сказала Аня. – Предлагаю выпить за успех нашего предприятия!

Они соединили бокалы и выпили.

– Кстати, – разливая по второй, спросила Аня, – там шаблоны не готовы еще? Ты говорил, что быстро сделаешь.

– Да у меня сейчас на основной работе завал небольшой. Как только разгребу, сразу сделаю. Там делов-то на пару часов.

– Так может, просто взять и сделать?

– Да не кипишуй ты, все успеем. У нас целый месяц.

– У нас месяц на все про все. А нужно еще стекло заказыв-

вать, это долго, потом витражи мне делать, потом...

– Ладно-ладно, – перебил ее Петр. – Завтра же сделаю.
Третий тост – за любовь!

Аня включила музыку. Они выпили еще, а потом Маша с Петром стали танцевать. Аня сидела, подливая себе вино, и подпевала Элвису Пресли.

– Лав ми тендер.

Петр наклонил Машу, она изящно выгнулась назад, при этом у нее задралась кофточка.

– Лав ми свит.

Петр поцеловал Машу в живот, и она расхохоталась.

– Невер лет ми гоу, – речитативом произнесла Аня и молча вышла из мастерской.

* * *

Открыв дверь своим ключом, Аня сразу поняла, что дома тоже весело. Из кухни доносились голоса.

– Ой, привет...

– Привет, Анька!

Дима встал и с жаром обнял ее.

– Ты когда приехал?

Дима был старым другом семьи. Он жил в Перми, и когда-то они с Владом ездили к нему на свадьбу и тоже выступали – как через год будут выступать на свадьбе Таи.

– Да пару часов назад. Ну, как у тебя дела?

– Хорошо все, – улыбнулась Аня. – А у тебя?

– Отлично! Завтра концерт у меня тут. Можно твою гитару взять?

Дима периодически просил у Ани инструмент, когда возникали сложности с авиакомпаниями. Все равно ни Аня, ни Влад давно не играли. Совсем.

– Конечно, бери. Сейчас поиграешь? – Но тут же сообщила, оглядев стол: – Ой, тебя Влад не накормил, что ли? Сейчас, подожди.

Она открыла холодильник.

– Правда, тут толком ничего нет... Суп будешь? Гречка еще есть...

– Буду! – Дима широко улыбнулся. – Все буду! Влад, ты чего, налей давай Анятке.

– Только немного. Мне завтра вставать рано, – сказала Аня.

– Конечно, немного, ты чего!

Аня налила суп. Ставя его обратно в холодильник, она заметила стоящую на дверце большую бутылку водки. На столе стояла такая же, опустошенная на треть.

– А чего ты не предупредил?

– Я Владу писал. Он тебе не говорил, что ли?

– Нет.

Аня налила себе сок и выразительно посмотрела на Влада. Он развел руками и сказал:

– Забыл.

– Я же просила тебя...

Влад пожал плечами. Аня вздохнула и протянула руку, соединяя свою стопку с другими.

Ида сидела тут же за маленьким столиком и рисовала красками. Лиля в комнате делала уроки. Аня смотрела, как красная линия в Идином рисунке соединяется с голубой и перерастает в фиолетовую.

– Какая ты молодец. Рисуй, детка, рисуй.

Завтра она должна будет встать в семь и отвести Лилю в школу, а Иду в сад. Хотя ей еще не было трех лет, но в сад она уже год как ходила – пока в частный.

– За Пермь! Сто лет там не был! Как она, родная? – Влад с жаром разливал водку по стопкам.

– Да че ей сделается? Стоит, мерзнет.

Они соединили стопки.

Фиолетовая линия начала выпускать из себя розовые ростки, окруженные синими точками.

– Давай воду поменяю.

У Ани уже шумело в голове. Много пить она не будет, иначе завтра не сможет встать, а завтра работать в цеху. Аня поставила пластмассовый стаканчик для воды на стол.

– Дорисовывай – и пойдем спать. Времени много.

– Не хочу...

– Надо. Ты кушала?

– Нет.

– Суп будешь?

– Нет.

– Гречку?

– Нет.

Аня вздохнула и крикнула:

– Лиля, ты ужинала?

– Нет! – донеслось из комнаты.

– Суп будешь?

– Нет!

– Гречку?

– Нет!

– Анька, ты чего, давай стопку уже.

Всем корпусом рухнув на стол, Аня закрыла лицо руками.

Кое-как накормив детей и уложив их по кроватям, она умылась и тоже легла. Отчаянно хотелось спать, но на кухне не прекращался праздник жизни, и заснуть она не могла. Промучившись с полчаса, она встала.

– Ребят, может, спать уже?..

– Ну ты чего, мы же только начали! Давай лучше с нами посиди.

– Влад. Ты же знаешь. – Она перевела глаза на Диму. – Я прошу вас.

Дима отличался способностью молниеносно пьянеть. Вот и сейчас он сидел, подперев щеку рукой, почти засыпая. Но спать при этом отнюдь не планировал.

– Влад, он же сейчас упадет.

– Кто, Димка-то? Да он еще нас с тобой перестойт!

– Не сомневаюсь, – сказала Аня и потерев Диму за воротник. – Дим, пойдем спать.

Дима промычал что-то нечленораздельное, потом посмотрел на нее мутными глазами, пьяно огляделся, снова посмотрел на Аню, морщась и изо всех сил пытаясь сфокусировать взгляд, а потом кивнул и попытался встать. Уронив табуретку и смахнув стопку рукавом, он смог подняться, потом неуверенно сделал несколько шагов, ударился о косяк, ввалился в комнату и рухнул на кровать.

– Не-е-ет... – простонала Аня. Это была их с Владом кровать. А Диме она уже постелила на полу.

Она вернулась в кухню.

– Влад, помоги Димку перетащить.

– Ща. – Влад уже сидел в наушниках, что-то смотрел и, видимо, вообще не слышал, что она говорит.

Аня рассердилась и вышла, вернулась в комнату и стала стаскивать Диму с кровати за ноги. Но он был слишком тяжелым. Она плюнула и снова попросила:

– Влад!

Он снял наушники.

– А?..

– Помоги мне!

Они вдвоем перенесли Диму на плед, уложенный на полу.

– Давай спать.

– Я еще не допил.

– Тебе обязательно допивать все?

– Конечно!

Аня выключила свет в спальне и легла, стараясь не слышать ни громкого храпа Димы, ни пьяного смеха Влада. Иногда ей удавалось – и она засыпала, но потом просыпалась снова.

В очередной раз проснувшись, она посмотрела на часы. Четыре тридцать. За окном светало. В коридоре горел свет. Аня встала и прошла на кухню.

Влад сидел у стола в наушниках, пританцовывая одной головой. Глаза у него были мутными и не выражающими ни одной эмоции.

– Пойдем, – тихо сказала она, снимая с него наушники.

– О, Анька! Давай выпьем.

– Куда тебе уже пить, пойдем спать!

Разозлившись окончательно, Аня взяла недопитую бутылку и хотела было вылить остатки в раковину, но Влад успел перехватить ее руку. Она удивилась такой прыти, не соответствующей его состоянию, а он прижал к себе бутылку и приник к ней головой, поглаживая горлышко и счастливо улыбаясь.

Аня попятилась.

Она идет по высокой траве в направлении Изумрудного озера – очень медленно, никуда не торопясь. Над ней висит

огромное теплое солнце, и все бутоны в степи, раскрывшиеся или нет, повернули головки вверх, насколько это возможно. Аня тоже развернула лицо к небу. Она смотрит прямо на солнце, как будто ему в глаза, и ее глазам не больно, не страшно, не горячо. Зажмурившись от удовольствия, она садится тут же на землю и сплетает неожиданно длинные, достигающие до бедра волосы в слабую косу, закрепив концы травинкой. При этом она смотрит вдаль и видит, как недалеко пасется стадо лошадей разных мастей и несколько жеребят. Она машет рукой и оглушительно свистит, и одна из лошадей поворачивает голову и стрижет ушами. Потом срывается с места и несется к ней, подминая копытами цветы.

Эта лошадь какой-то необычной серебристой масти. Буквально – словно в сказке, ее тело отливает белым металлом. Впрочем, Аня знает, что это конь, а не лошадь. А вот копыта у него обыкновенные, какие и должны быть у коня. Он преклоняет перед ней одно колено, и она взбирается на его спину – легко, без какой-либо помощи, только цепляясь пальцами за гриву. А потом летит вперед, в сторону все тех же гор, только теперь очень, очень быстро, хотя по-прежнему совсем никуда не торопится. В глазах у Ани бездумная радость и совершенно детский восторг, в ушах свистит ветер, а руки обнимают теплую серебряную шею.

А горы впереди – синие-синие и настолько высокие, что верхушки подернуты облаками.

– Ида, снимай юбку и сандалии, вот комбинезон.

Аня складывает вещи на низенькую садовскую лавочку, на которой ковыряются с колготками и штанами еще несколько пятилеток.

– Мам, смотри, что я сегодня нарисовала!

Аня берет стопку рисунков, смотрит.

– Ух ты. Это Эльза?

– Да, только она сейчас горячая.

Аня разглядывает раскраску, на которой узнаваемый силуэт покрыт какими-то необыкновенными цветами и фантастическими узорами, напоминающими мексиканский орнамент.

Рядом стоит знакомая мамаша, зажав одной рукой сумочку и носки.

– Юра, почему все одеваются, а ты суешь в рот штаны?

Все дети смеются и повторяют на разные лады:

– Юра сует в рот штаны! Юра сует в рот штаны!

Мамаша пунцовеет, выхватывает штаны из рук Юры и сама начинает его одевать.

По дороге домой Ида сообщает доверительным тоном:

– А ты знаешь, что я влюбилась в Юру?

– Нет. А он в тебя тоже?

– Не знаю.

– Ну что ж.

– Но он все равно хороший, только дурак иногда.

Аня улыбается и поворачивает ключ в замке.

– Лиля, ты дома?

– Мама, ты знаешь, что сделала эта русичка?

Лиля с порога огорошивает подростковой яростью.

– Что?

– Она поставила мне двойку за дэ-зэ! А я его сдавала!

– Так, может, ты написала его на двойку?

– Нет!

– Хорошо, выясни завтра, в чем дело, я, если что, разберусь. Сольфеджио учишь?

– Учю, блин!

Лиля громко хлопает дверью в туалет. Щеколда не работает, поэтому Ида может спокойно туда вбежать. Из кухни Аня слышит звуки локальных военных действий. Она открывает ноутбук. Ида поужинала в саду, двенадцатилетняя Лиля поела сама, значит, можно пока поработать. Нужно срочно отрисовать эскиз для нового заказа.

– Мам, пришей мне пуговицу на юбку, у нас завтра концерт.

– Хорошо.

– Мам, наточи мне карандаши.

– Лиля, наточи Иде карандаши.

– Я учю сольфеджио.

Аня вздыхает и закрывает ноутбук. Берет у Иды каран-

дашницу и точилку, начинает точить. Из пластиковой зеленой головы торчит обрубок карандаша и медленно тянется длинная красная стружка.

* * *

Она стояла в тесном помещении без окон, задумчиво перебирая куски пленок.

«Так, надо докупить бежевый... И зеленого много понадобится... Завтра поеду за материалами».

Аня нервничала – до срока сдачи заказа оставалась неделя, а Петр как сквозь землю провалился.

Маша стояла над столом непривычно тихая.

– Ань, че там с заказом?

– Ничего...

– В смысле?

– Не могу до Петра дозвониться. Две недели завтраками кормил, а три дня назад сказал, что все готово и завтра привезет, а потом пропал. На звонки и сообщения не отвечает.

– Мне тоже.

За последние полчаса Маша совершенно не продвинулась в изготовлении образца. Вот и сейчас она просто стояла и молча водила пальцами по стеклу.

– Может, что-то случилось?..

Аня отбросила в сторону кусок розовой пленки и подошла к Маше.

– Слушай, детка, а может, витраж сдадим – и ну его на фиг?... К чему такие страдания? По нему же видно, что он такое... Твои идеальные губы нуждаются в соответствующем оформлении.

Маша улыбнулась одним уголком рта. Она опустила голову над столом и запустила пальцы в короткие черные кудри. На стекло упала слеза.

– Так... – Аня оторвала немного бумаги от стоявшего на столе рулона и вытерла Маше лицо. – Сморкайся.

Маша улыбнулась.

– Да не буду я сморкаться, у меня нет соплей.

– Сморкайся, я тебе говорю. Тут и без лишней сырости затхлость, а так стены плесенью пойдут.

Маша высморкалась, не то смеясь, не то плача.

Зазвонил телефон.

– Да, здравствуйте! Все в порядке, скоро заказываем стекло... Да, я знаю, что прошло уже больше месяца... К сожалению, задержки иногда случаются... Да, возник небольшой форс-мажор, но мы делаем все возможное.

Вдруг Маша резко оторвала руки от образца, приложила их ко рту, наклонилась к урне и скорчилась.

– Я так понимаю, задержки у нас не только с витражами?... – сказала Аня, положив трубку.

Маша выпрямилась, вытерла рот рукой и тихо вышла из подвальчика.

Лиля несла тарелку с супом, медленно-медленно, боясь пролить.

– Мама, смотри – я будто море тащу.

Ей было девять с половиной лет, и ее ноги и руки будто росли быстрее других частей тела. Она донесла тарелку и поставила на стол.

Аня сидела рядом, склонившись над счетами для оплаты.

Их было много. Она разложила бумаги по всему столу, пытаясь сообразить, может ли она что-то закрыть сейчас. От напряжения болела голова, из туалета доносился запах кошачьей мочи. Надо было оторваться от дел хотя бы ненадолго, заняться домом – хотя бы поменять коту туалет и постирать.

– Влад, погуляй с детьми, пожалуйста! – крикнула она из кухни. – Мне нужна тишина!

Он не ответил, и Аня продолжила разбирать бумаги.

Счет из сада. Счет из школы. Счет из музыкалки. Счет из налоговой. Счет за коммуналку. Счет за мастерскую. Счет за коммуналку мастерской. Счет за материалы. Распечатанный счет за кредитку.

Счет. Счет. Счет.

Аня и раньше ненавидела математику, сейчас же все эти цифры прыгали перед глазами, будто какие-то отвратительные существа, вроде персонажей из фильма ужасов. Что-то

типа «Зубастиков». Они прыгали с листа на лист, со счета на счет, а потом сбивались в кучу и начинали ползти один за другим, ровным строем, по ее рукам, вверх, выше и выше, по локтям, по груди, по шее. Цифры лезли в шепчущий полукруг открытый рот и забирались в гортань, цифры тихо входили сквозь белки глаз прямо в голову, в мозг, и начинали кусать ее изнутри. Нет, не кусать: грызть.

Влад вошел в кухню.

– Сегодня придет Женька.

– В смысле?

– У него днюха. Посидим, выпьем.

– Давай не сегодня.

– Давай сегодня.

– Слушай, у меня проблемы на работе, я...

– Ну это же у тебя проблемы, при чем тут мы?

Аня смотрела на мужа, раскрыв рот. Он рассмеялся.

– Ладно, чего ты. Я сейчас погуляю с детьми. Только потом ты потерпишь нас с Женькой.

– Почему вы не можете посидеть где-то в другом месте?

– Да откуда у нас деньги на это?

– Ох... Хорошо. А что ты ему подаришь?

– Подарю? – На лице Влада появилось недоумение. – За чем?

Вскоре он собрал детей, и они наконец вышли из квартиры. Аня сложила счета стопкой и легла на нее щекой. Бумага была теплой, пахнувшей свежей типографской краской, и

этот запах действовал успокаивающе. Аня заснула. Ей казалось, что она совсем маленькая и сейчас просто задремала, читая книжку перед сном.

– 14 –

В тот вечер Аня подумала, что если даст мужу спокойно выпить, то сможет уговорить его помочь с работой. Влад выпьет, станет добрым и поймет сложность ситуации. Да еще и Женька – он вообще художник-декоратор, вполне может участвовать. Это стоило того, чтобы потерпеть еще одну бессонную ночь. Тем более что завтра суббота, можно немного отоспаться. Ну неужели они все вместе не придумают, как сделать этот проклятый монтаж, и не снимут шаблоны?

На тот момент она обзвонила уже двадцать организаций – никто не хотел связываться. Такие заказы бывают: это вроде того, пару лет назад, в стеклорезке, с факетами. Кроме них не согласилась ни одна «витражка», это сам клиент рассказывал. И они знали, что так и есть. Это и было главной причиной, почему нынешние клиенты так терпеливо ждали и до сих пор так вежливо разговаривали. Но Аня понимала, что в любой момент они могут потребовать возврата аванса, а она уже пустила его на закупку материала и оплату счетов. Точнее, одного из счетов. А их было значительно больше. Еще недавно она надеялась, что Петр объявится и скажет, что все в порядке, но...

Аня приготовила ужин и отложила все дела, чтобы вовремя уложить детей и поздравить Женьку, а заодно и попытаться решить свои проблемы.

Она как раз купала Иду, когда позвонила мама.

– Привет, Анечка.

– Баба! Привет, баба!

Мама говорила громко, и связь была хорошей, так что Ида прекрасно слышала весь разговор.

– Ай, кто там так звонко кричит? Дай-ка трубочку!

– Мам, она в ванной, не надо сейчас.

– Баба! Я сегодня хорошо кушала! Дашь подарочек?

– Ай, ты моя умница! Конечно, когда доеду уже до вас...

Дочь, ты здесь?.. Никуда сегодня не уходишь?

– Нет. Правда, у нас гости будут. К Владу друг придет, день рождения у него.

– Сегодня?.. Вот, я как чувствовала, потому и позвонила.

– А что такое? Ида, не брызгайся!

– Не надо бы сегодня... Страстная пятница.

– Мам, да мы же не постимся... Ида!..

– Все равно нехорошо. Будь осторожна, и не налегайте там слишком...

– Хорошо, мам. Спасибо. Давай, а то мне надо Иду помыть.

Аня завершила вызов и положила телефон в карман.

«Глупости. Глупости».

Она мыла Иду, стараясь не думать о маминых словах, но

смутное беспокойство не отпускало. Ее вывел из задумчивости залп водяного пистолета в лицо.

– Пиу! Пиу!

– Ах так? Вот я тебя!

Аня выключила воду и накрыла Иду большим розовым полотенцем, яростно растирая. Ида визжала под полотенцем, накрытая с головой, и Аня прямо так, не позволяя ей выбраться, перевернула Иду и понесла в комнату попой вверх.

* * *

– Все, спит.

Сонная, измотанная, но благодушно настроенная Аня села у стола. Пока Влад наполнял стопки, Женька налил Ане сока и подал ей стакан. Она взяла сок в левую руку, водку в правую, встала и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.